ТАЛЬЦЫ

Тальцы • 2 (21) • 2004

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •

• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ю.В. Кузьмин. П.А. Бадмаев и проблемы бурятского населения в конце XIX – начале XX века 3

Р.А. Шерхунаев. Александр Бадмаевич Соктоев: подвиг ученого 11

Г.И. Асхаева. Наши истоки (прошлое и будущее) 21

ЭТНОГРАФИЯ

А.И. Шинковой. Мифология в шаманстве. Духи-онгоны как часть образного воззрения бурят 33

А.А. Губин. Манхо 46

У НАС В ГОСТЯХ

Л.С. Егорова. Государственный национальный музей Усть-Ордынского Бурятского автономного округа 50

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

А.К. Нефедьева. Бурятский улус-летник в музее «Тальцы» 56

КОНФЕРЕНЦИИ 62

НОВЫЕ КНИГИ 63

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Бурятские предания 64

Л. Босхолова. Стихи 67

НА ДОСУГЕ

Блюда бурятской национальной кухни 70

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин
Редактор: Г.Д. Лопатовская
Компьютерный набор: О.А. Стафеева
Оригинал-макет: Ю.С. Макарова
Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — *Манхо на острове Ольхон (оз. Байкал). 1997 г. Фото И. Бержинского*

С. 2 — *В одном из залов Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. 2004 г. Фото И. Бержинского*

С. 3 — *Археологический раздел экспозиции Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. 2004 г. Фото И. Бержинского*

— *Этнографический раздел экспозиции Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. 2004 г. Фото И. Бержинского*

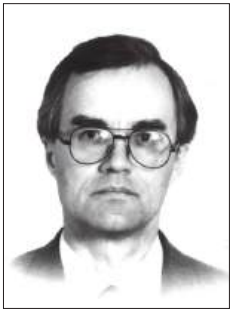
С. 4 — *Стрелохранилище — атрибут бурятской свадьбы. 2004 г. Фото И. Бержинского*

Подписано в печать 4.06.04. Формат 60x90 1/60. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4073. Цена свободная.

Отпечатано в Изд-ве «Макаров», тел. 516-460, 516-484

© АЭМ «Тальцы», 2004

П.А. БАДМАЕВ И ПРОБЛЕМЫ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА



Юрий Васильевич Кузьмин,
доктор исторических наук, профессор
Байкальского государственного
университета экономики и права,
г. Иркутск

В 90-е годы XIX века в России и Сибири происходят серьезные экономические и социальные изменения, активизируется экономическая жизнь, что связано со строительством Транссибирской магистрали, созданием новых городов, железнодорожных станций, промышленных предприятий и началом массового переселения из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток. В данные процессы втягиваются и коренные жители Сибири, в том числе буряты.

Коренных жителей вовлекают в строительство железнодорожной магистрали. Переселенцы, осваивая новые земли, нередко теснят местных жителей Прибайкалья и Забайкалья, ущемляют экономические интересы кочевников-бурят. Русская православная церковь активно занимается миссионерской деятельностью и крещением бурятского населения, вступая в соперничество с ламаизмом. Российская администрация стремится ликвидировать степные думы, унифицировать управление коренными жителями Сибири и уравнять их в правах с русским населением, лишить прежних льгот и привилегий, что, естественно, вызывает недовольство бурят и ламаистской церкви.

Некоторые проблемы успешно разрешались местной администрацией, но основные вопросы решались в столице Российской империи. Своеобразным покровителем бурят в столичном городе, лоббистом их интересов стал Петр Александрович Бадмаев, который служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи. В 1894 году он получил чин коллежского советника (6-й класс), а в 1902 году — чин действительного статского советника и права потомственного дворянина.

Влияние и значимость П.А. Бадмаева определялись его бли-

зостью к российским императорам: Александру III и Николаю II (подтверждены дневниками Николая II встречи с П.А. Бадмаевым в 1894–1895 гг.), а также личными отношениями с С.Ю. Витте, князем Э.Э. Ухтомским, князем В.П. Мещерским, министром императорского двора Дедюлиным. Пациентами П.А. Бадмаева являлись А.Д. Протопопов (министр внутренних дел), П.Г. Курлов (товарищ министра внутренних дел), А.П. Балк (столичный градоначальник) и многие другие влиятельные политики.

П.А. Бадмаев поддерживал тесные отношения со своими родственниками из Забайкалья, приезжал на родину и был в курсе событий в Сибири. Буряты, приезжая в Петербург по делам или на учебу, обращались к влиятельному земляку за советом, содействием или помощью в решении своих вопросов и насущных проблем. В свою очередь, из Забайкалья, Монголии и Китая от соотечественников он получал лекарственные травы и препараты для приготовления лекарств тибетской медицины, а также книги и рукописи на монгольском и тибетском языках.

В 1885 году в Иркутске состоялся съезд архиереев, в работе которого кроме священнослужителей приняли участие представители высшей администрации Сибири: губернаторы Иркутской и Енисейской губерний, забайкальский военный губернатор, представители Главного управления Восточной Сибири. Обсуждались вопросы христианизации бурятского населения, проекты земельной и административной реформ (ликвидация степных дум) с целью унификации управления, перехода на оседлый образ жизни кочевого населения. Были поставлены вопросы об избрании начальников инородческого управления из христиан, введении рекрутской повинности для коренных жителей Сибири.

Обсуждение планируемых преобразований вызвало среди бурят серьезную обеспокоенность. Как писала К.М. Герасимова в монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье...», «Петр Бадмаев известил телеграммой агинских нойонов о постановлениях съезда архиереев и потребовал от тайши Зориктуева собрать 15 тыс. руб. на ходатайство против этих постановлений, на что последний ответил запросом — с одних агинцев собрать или вместе с хоринцами. В Петербург от агинских бурят был послан Жана Бадиев, а в Иркутск по настоянию П. Бадмаева „секретно направлен чиновник для наведения справок“» (1, с. 87).

Мы видим, что П.А. Бадмаев стремился оперативно информировать своих земляков о возможных проблемах для них. И это при том, что был крещен, старался крестить учеников своей школы и, занимая официальную должность в Азиатском департаменте, должен был защищать национальные интересы России и стремиться к укреплению Российского государства. Сбор

солидной суммы и лоббирование с ее помощью определенного вопроса, конечно, было в духе любого времени в России. Но мы видим явное руководство П.А. Бадмаевым действиями бурят.

В 1886 году в Забайкалье был командирован князь Э.Э. Ухтомский, который собрал свежую информацию о ламаизме, буддийских храмах и условиях проведения реформы. Он предлагал проводить в Забайкалье более осторожную и осмотрительную политику в отношении распространения православия, чем у западных бурят.

Петр Александрович Бадмаев, 1870-е гг.

Известно, что в 1890-е годы российское правительство довольно успешно провело отмену степных дум у западных бурят, а попытка осуществить подобное в Забайкалье даже в начале XX века вызвала массу сложностей. Разумеется, главная причина различий между западными и восточными бурятами заключалась в неодинаковом уровне социально-экономического развития регионов и готовности к реформам. Но не будем исключать и субъективный фактор в данных событиях, который мог сыграть определенную роль при принятии властных решений.

Открытие «Торгового дома» П.А. Бадмаева в Чите и его активная деятельность в Забайкалье, Монголии и Китае позволили привлечь к практической торговой и предпринимательской деятельности значительное количество забайкальских бурят, прежде всего агинских — родственников и земляков Петра Александровича. Были привлечены не только образованные и подготовленные буряты для аналитической, информационной и организационной работы (Б. Рабданов, Г. Цыбиков, Н. Гомбоев, А. Старцев), но и опытные скотоводы для ведения хозяйства, строительства и торговых перевозок по региону.

П.А. Бадмаев имел широкие властные полномочия, возможность прямых отношений с монгольскими и китайскими властями, что естественным образом привело к недовольству местных и региональных властей Читы, Иркутска, а также дип-

ломатических представительств Урги и Пекина. Он действовал от имени российского императора, что открывало многие двери и легко решало многие проблемы. Главное — это два миллиона рублей, выданных по частям П.А. Бадмаеву на проект по присоединению к России Монголии, Китая и Тибета, которые позволили решать любые сложные задачи.

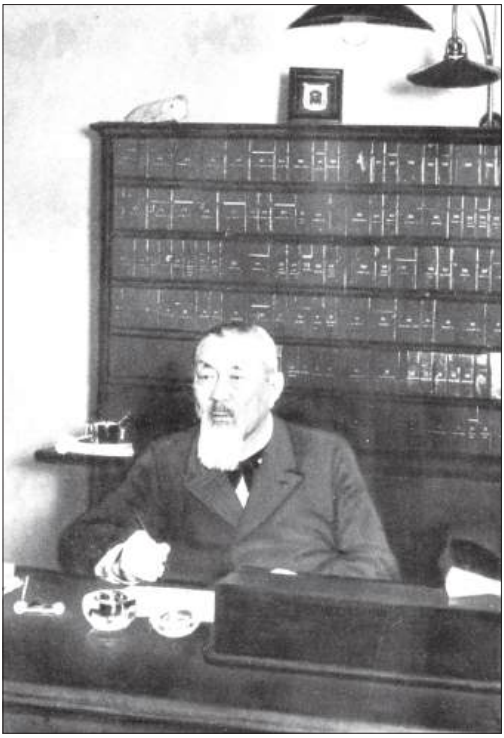
В своих записках и письмах к российским императорам Александру III и Николаю II он предлагал учредить в Забайкалье наместничество с прямым управлением краем. Возможно, он даже рассчитывал сам на высокую должность или на влияние через своих людей в этой властной структуре. Среди бурят распространялись слухи о родстве П.А. Бадмаева с русским царем (его крестник), а также о том, что Бадмаев является потомком Чингисхана. Позднее, в 1898 году, в приложении к переводу «Жуд-ши» он опубликовал свою родословную, в которой это доказывалось (родословная требует анализа этнографов и специалистов по родословным).

По данным историка И.В. Лукоянова, в книгу приговоров Агинской степной думы по требованию П.А. Бадмаева была внесена запись о том, что он является прямым наследником правителей бурят и претендентом на монгольский и тибетский престолы. Бадмаев развесил в степных думах свои портреты и портрет жены над портретами Николая II и Александры Федоровны, а также обложил каждую бурятскую семью натуральным налогом, обязав поставлять ему по барану или корове. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин доложил об этом в Петербург, что нанесло ощутимый удар по репутации Бадмаева.

Осложнились отношения П.А. Бадмаева и с бурятами. Местные региональные власти были неоднородны. Конкурировали между собой в борьбе за власть различные родовые группировки. Особую роль играла ламская верхушка, претендовавшая не только на роль духовного лидера бурятского населения, но и вмешивавшаяся в светские дела. Среди бурят происходило глубокое социальное расслоение, постепенно выделялась буржуазная прослойка. Родовые структуры приходили в противоречие с новыми социальными группами, что приводило к сложной борьбе этих сил.

Известно, что главный тайша хоринских бурят Эрдени Вамбоцыренов был родственником П.А. Бадмаева. В одном из писем Бадмаев писал о нем: «Бывший главный тайша Эрдени Вамбоцыренов — всегдашний вожак и любимец лам, известный и убежденный монархист, оказался самым ярым противником прогрессистов и хамбо-ламы» (цит. по: 1, с. 37). Он являлся лидером так называемой партии стародумцев, противников волост-

ной реформы и сторонников сохранения Устава Сперанского 1822 года. Таким образом, Бадмаев был втянут в сложный клубок борьбы за власть и влияние местных групп бурят.



П.А. Бадмаев в своем кабинете на Литейном проспекте, 16

Для реализации своих проектов П.А. Бадмаев нуждался в образованных и квалифицированных кадрах, которых тогда вообще не хватало. Для выполнения некоторых деликатных задач на Востоке были необходимы подготовленные и лично преданные ему соотечественники. Кроме того, в Петербурге, рядом с собственным двухэтажным каменным домом Бадмаева было построено здание санатория, где проходили курс лечения его пациенты, хранились и готовились лекарственные препараты тибетской медицины. Он нуждался в профессионалах, которых не могло подготовить ни одно имеющееся в России учебное заведение. Поэтому он создал собственную школу на Поклонной горе и пытался придать ей официальный статус гимназии. Насколько мы знаем, это не удалось сделать.

История данной школы нуждается в специальном изучении и вполне заслуживает это. Известны имена некоторых учеников школы, имеется фотография ее учителей и учеников, по которой в перспективе можно восстановить их имена. К примеру, здесь учились Ц. Жамцарано, Б. Барадин, но они отказались принимать крещение и вынуждены были покинуть школу.

По данным писателя Б.С. Гусева, в школе учился будущий глава ламаистской церкви Бурятии хамбо-лама Гомбоев. Профессор Ш.Б. Чимитдоржиев называет имя другого ученика — Базар-Сада Ямпилова, который закончил школу и поступил в

Петр Александрович Бадмаев, 1914 г.

Военно-медицинскую академию, где получил специальность военного врача, затем участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, а позднее работал в госпиталях и больницах Забайкалья. Известно также, что эту школу, а затем и Военно-медицинскую академию закончил племянник П.А. Бадмаева Осор (Н.Н. Бадмаев) — продолжатель его дела в области тибетской медицины. Поступление после окончания школы на Поклонной в Военно-медицинскую академию также являлось традицией.

Детей в школу обычно присылали родители из Забайкалья. Содержание и обучение в ней П.А. Бадмаев брал на себя. В 1897 году он ввел преподавание Закона Божьего. Условием обучения в школе было принятие крещения учеником, что порой создавало конфликтные ситуации. Некоторые из учеников отказывались это сделать и покидали школу. Родители были возмущены и подали на Бадмаева в суд, который его оправдал.

Начало XX века характеризуется ростом национального движения в России, в том числе и среди бурятского населения. Особенно твердое отстаивание национальных и экономических интересов происходило в Забайкалье.

Колонизация Сибири и Дальнего Востока требовала новых земель для переселенцев из Центральной России. В 1900 году были приняты «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области», которые устанавливали норму надела земельных угодий в размере 15 десятин на душу мужского населения. Это решение вызывало недовольство не только бурят, но и местного русского населения. Часть земель изымалась в колонизационный фонд, что обусловливало ослабление или разорение некоторых кочевых хозяйств бурят.

Существенно изменялась и система управления коренными народами Сибири. Ограничивался, а затем в ряде регионов и ликвидировался принцип наследования и пожизненности должностей родовой знати. Проводилась административная реформа, которая заменяла степные думы и инородные управы органами волостного управления. Вводилось «Временное положение о крестьянских начальниках». Таким образом прежние административные структуры, устроенные по родовому принципу, заменялись территориальными единицами, что подрывало сложившуюся систему родовых отношений.

Отношение различных групп бурят к реформам было неодинаковым. Группа «стародумцев» во главе с Э. Вамбоцыреновым выступала за возврат степных дум и сохранение всех сословных привилегий. Вторая группировка выступала за утверждение новой административной реформы и получила название «прогрессистов». Существовала и третья группа — «партия хамбо-ламы» (Иролтуева, А. Доржиева), которая предлагала промежуточный, компромиссный вариант между крайними позициями.

Представители групп писали в Петербург коллективные и личные письма, отстаивая свою точку зрения, а также направлялись делегации с ходатайством от бурят. Э. Вамбоцыренов в письме к Николаю II пытался доказать, что консерваторы не бунтовщики и революционеры, а преданные монархисты.

П.А. Бадмаев активно помогал в Петербурге бурятам, приехавшим в составе делегации с целью отмены законов о землеустройстве и административной реформе. Он давал советы и рекомендации, как решить данную проблему, с кем необходимо

П.А. Бадмаев с учениками школы на Поклонной горе

встретиться, чтобы приблизить ее решение, обращался за помощью к бывшей императрице Марии Федоровне и к правящей — Александре Федоровне.

Влияние П.А. Бадмаева на решение бурятских дел было настолько серьезным, что министр внутренних дел России В.К. Плеве вызвал его к себе и в грубой и резкой форме потребовал прекратить покровительство бурятам. Б.С. Гусев пишет, что П.А. Бадмаев неоднократно обращался к царю с жалобами на читинскую администрацию, собирающую дань с бурят в виде взяток.

В любом случае, полностью реализовать административные и земельные реформы в Забайкалье не удалось. Более организованное противодействие забайкальских бурят, сохранившаяся родовая структура и самобытная культура, не затронутая православным миссионерством, несомненно, способствовали этому противостоянию. Нам представляется, что определенную роль в этом сыграл и П.А. Бадмаев.

Положение самого Бадмаева среди бурят было довольно своеобразным и противоречивым. Приняв крещение, он строил в Забайкалье православные храмы, но одновременно сотрудничал с представителями ламаистской иерархии, оказывал им помощь и поддержку, которую не афишировал. Реализуя экономические проекты, он давал своим землякам возможность получения высокого заработка и интересной работы. Но, разумеется, были и обделенные, что вело к недовольству и даже судебным процессам. Кому-то явно не нравились стремительная карьера П.А. Бадмаева, его влияние и роль в сибирском и забайкальском обществе. А его реальное влияние на решение сложных проблем бурят было несомненным и серьезным. Дальнейшие архивные изыскания позволят нарисовать более объемную и полную картину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. — Улан-Удэ, 1957.

2. Гусев Б. Петр Бадмаев. Крестник императора, целитель, дипломат. — М., 2000.

3. Кузьмин Ю.В. Тайны доктора П.А. Бадмаева. — Иркутск, 2003.

4. Лукоянов И.В. Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. — 2001. — № 4. — С. 111–126.

5. Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I). — Улан-Удэ, 2001.

АЛЕКСАНДР БАДМАЕВИЧ СОКТОЕВ: ПОДВИГ УЧЕНОГО

Раднай Андреевич Шерхунаев,
кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры
Республики Бурятия,
г. Иркутск

...Доржи Банзаров. Хангалов. Жамцарано. Гарма Санжеев. Солбонэ Туя... Великие граждане Сибири и России. Каждый из них оставил добрую память в истории бурятского народа. В одном ряду с ними по достоинству стоит и имя его замечательного сына Александра Соктоева.

Александр Бадмаевич Соктоев родился 23 февраля 1931 года (год белой Овцы — Хонин жэлдэ) в улусе Алзобей Аларского аймака (района) Иркутской области. Селение это насчитывает сегодня 50–60 дворов, расположено в 30 километрах к юго-западу от районного центра и железнодорожной станции Кутулик.

Об истории названия улуса профессор М.Н. Мельхеев в книге «Происхождение географических названий Иркутской области» сообщает: «Алзобей, Аларский район — по имени одного из выдающихся предводителей хонгодоровского рода — Олзобэ, отца Молонтоя, со своими сородичами перекочевавшего в XVII в. из Монголии в Прибайкалье. В бурятской легенде он известен как один из мудрейших старейшин, понимавший необходимость перекочевки в спокойные места от междоусобий войны монгольских феодалов. Потомки Олзобэ расселились в местах, названных его именем: бурятские улусы Олзоба — Алзобей, Олзон — Ользоны. С этим именем, возможно, связано название пос. Алзамая — Олзома...».

Соктоевы — отец Бадма Егорович (1900–1957), по социальному положению бедняк до колхозного строя, а позже, как указывал Александр Бадмаевич в автобиографии, сельский активист-колхозник, участник Великой Отечественной войны, и мать Анна Ардановна, урожденная Басаева (1900–1944) — простые люди сибирской глубинки — составляли дружную, сплоченную, любившую красоту жизни и поэзию труда семью. Во главу угла они ставили высокое понятие правды и миссии

Александр Бадмаевич Соктоев

человеческой личности. Это значит, что родители, хорошо зная свою роль воспитателей, передавали изо дня в день сыну природную мудрость своего народа.

Семья нового поколения Соктоевых — это семья ученых. Сестра Александра Бадмаевича — Клара Бадмаевна Соктоева (родилась 8 марта 1938 г.) — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Бурятского государственного университета. Она читает курс лекций по зарубежной литературе XIX–XX веков. Имеет ряд ценных научных трудов...

Жена Александра — Инесса Ильинична (родилась 5 сентября 1928 г.) — по специальности художник, в 1950 году окончила художественно-графическое отделение Московского городского педагогического института. В 1951 году познакомилась в Улан-Удэ с А.Б. Соктоевым и через год вышла за него замуж. Училась в аспирантуре Московского научно-исследовательского института художественной промышленности. Кандидат искусствоведения. Старший научный сотрудник Бурятского института общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН). Заслуженный деятель искусств Республики Бурятия и Российской Федерации. Имеет более 100 научных трудов. Автор замечательной книги «Искусство советской Бурятии» (Улан-Удэ, 1965).

Дети Александра Бадмаевича и Инессы Ильиничны — сын Сергей, 1953 года рождения, научный сотрудник Института биологии Бурятского научного центра СО РАН, кандидат биологических наук (умер в 2002 г.), и дочь Наталья, 1958 года рождения, окончила художественное отделение Московского полиграфического института, художник, работает в Москве...

Я много лет знал Александра Бадмаевича, даже вместе попивали чаи, много раз встречались, слушал его, когда он делился мыслями об издании «Памятников фольклора...» и

проводил с нами, сибирскими фольклористами, совещания по этому же вопросу. Выше среднего роста, представительный, живой, подвижный, с яркими, как звезды, глазами, шевелюрой густых, волнистых, чуть с проседью волос, он производил на собеседников приятное впечатление. Встречи и беседы с ним — счастье огромное. Но такова жизнь и ее суровая правда — никогда не затрагивал тему о его жизни и исследовательской работе (искренне жалею об этом, хотя и знаю, что он не согласился бы на такой разговор).

Первоначальную школу жизни Александр Бадмаевич прошел, конечно, дома, в улусе, где царила обстановка доброты, взаимопонимания. Родители его, любители и знатоки изящного народного слова, бурятской жизни и ее старины, всячески поощряли его в освоении родной речи, народных знаний, устной поэзии, нередко заставляли рассказывать, исполнять ее образцы — пословицы, поговорки, легенды, предания и сказки.

В Алзобее, как и во многих других селениях, жили «владетели умственных даров», нравственно здоровые и сильные люди, влюбленные в золотое слово своего народа, — они в доверительных и душевных беседах не отталкивали детей, подростков, а, наоборот, привлекали их к слушанию удивительных по красоте рассказов о богатырях — героях прошлого, приключений и разных историй. Непременным их слушателем бывал Саша Соктоев.

Особо надо сказать о народных развлечениях, детских играх — в «шагай» (лодыжки), бабки, лапту, где развивались сообразительность и ловкость людей в юном возрасте. В улусе обычным было проведение вечеров загадок — мудрости народа. Часто проводились вечера молодежи, художественной самодеятельности, ёхор — нааданы — национальные хороводы, где исполнялись народные танцы и песни. Юный Соктоев, обладавший большими способностями, молодчага с божьей искрой таланта, очень любил их, запоминал и вместе со всеми пел с упоением и радостью. В школе же учился прилично, «ходил» в передовиках по «всем статьям» — и в усвоении школьных предметов, и в участии в общественной работе, и в спортивных мероприятиях.

Сама обстановка жизни, чистота людских нравов, любовь к Отчизне и труду, слову и красноречию наилучшим образом влияли на рост и становление характера человека. С семи лет сын Бадмы пошел в начальную школу родного улуса, переходил ежегодно из класса в класс, а в дни летних каникул самозабвенно работал в колхозе, помогая ему в уборке сена и зерновых культур. Алзобейские поля и долины покоряли каждого своей красо-

А.Б. Соктоев с сестрой К.Б. Соктоевой

той. Саша, рано возмужавший, то и дело любовался ею. Он как бы слышал дыхание земли и голос природы, ее звуки, песни — и чуткое сердце откликалось в ответ стихами: душа волновалась и пела...

Александру Соктоеву 17 лет. В 1948 году он оканчивает десять классов Голуметской средней школы. Истинным счастьем для него были тогда же поездка и поступление на учебу в великом городе на Неве — он начинает учиться на монгольском отделении Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Одновременно он поступает на работу в Хореографическое училище имени А.Я. Вагановой в качестве педагога-воспитателя бурятской группы студентов.

С первых дней занятий в университете учеба заинтересовала его и захватила все внимание. И он весь отдается изучению сложнейших предметов по обширной программе обучения. Так незаметно идут дни, месяц за месяцем... В 1953 году Александр Бадмаевич с отличием оканчивает Ленинградский университет. В его стенах он получил солидные знания, изучил культуру родной Бурятии, Монголии, Индии, Тибета, ряда западноевропейских народов. Совершенствовал знания бурятского, русского, освоил монгольский (старописьменный), французский языки...

Не остановившись на достигнутом, молодой посланец Алари в том же 1953 году поступает в аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. И через три года, в 1956-м, талантливый выпускник университета блестяще защищает кандидатскую диссертацию на тему «Проза Хоца Намсараева», а затем издает в Бурятском издательстве монографию «Хоца Намсараев. Путь к социалистическому реализму».

В том же 1956-м, в октябре, Александр Бадмаевич приезжает в Улан-Удэ и приступает к работе в Бурятском государственном педагогическом институте имени Д. Банзарова — сначала ассистентом, затем старшим преподавателем. Читает курс лек-

ций по зарубежной литературе. Со временем утверждается в звании доцента. И многие годы (1959–1965) заведует кафедрой русской и зарубежной литературы.

В 1966 году Александр Бадмаевич переводится на работу в отдел литературоведения и фольклористики Института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР — старшим научным сотрудником. В 1970–1974 годах он является ученым секретарем Президиума Бурятского филиала СО АН СССР. Восемь лет (1975–1983) исполняет обязанности заместителя директора Института общественных наук...

Увлеченный наукой, А.Б. Соктоев наряду с организаторской работой упорно продолжает исследовательское дело, готовит докторскую диссертацию. Выпускает объемистую (в 26 печатных листов) книгу «Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода». В 1978 году в Институте мировой литературы имени М. Горького Александр Бадмаевич защищает на эту же тему докторскую диссертацию. Профессор Московского государственного педагогического университета А.В. Терновский, присутствовавший на этой защите, пишет: «Александр Бадмаевич был одухотворен, красив и изящен. И его выступление, и ответы на многочисленные вопросы были выше всяких похвал и выдержаны в обычном для него спокойном и доброжелательном тоне. Он говорил уверенно и четко, кратко и по существу, никого не задевая, но и не уступая, прекрасно ориентируясь во всех тонкостях и теоретических проблемах исследуемого им материала. Неудивительно, что и оппоненты, и члены специализированного совета остались полностью удовлетворены защитой и прониклись к соискателю уважением и симпатией...» (6, с. 115).

Александр Бадмаевич обладал разносторонним талантом. Гуманист и мыслитель, он был человеком-самородком, как слиток чудесного золота, вобравший в себя высокое природное дарование. Редкое явление в жизни. Поэт, певец, златоуст-оратор, художник, танцор, шахматист, музыкант... Причем в каждой из этих областей деятельности он выступал на должном уровне. Писал стихи вполне прилично, даже свои публичные выступления сопровождал ими... Обладая приятным голосом (баритоном), он пел, например, дуэтом с прославленным певцом, народным артистом Бурятии и России Бадмой Балдаковым, который, восторгаясь им, вполне серьезно предлагал: «Бросай науку, переходи к нам в театр...». Он был и классным игроком в шахматы, проводившим с сильнейши-

А.Б. Соктоев с супругой Инессой Ильиничной

ми соперниками целые часы своего досуга.

И в творческих делах Александр Бадмаевич, знаток культуры Востока и Запада, являлся исследователем многогранным. Педагог. Литературовед. Литературный критик. Искусствовед. Историк. Фольклорист. Этнограф. Психолог... И как человек, он обладал доброй душой, был отзывчивым, чутким, полным благородства. Об этих чертах характера говорят и многие его статьи, опубликованные в различных изданиях, — о Хоца Намсараеве, Мунко Саридаке (Будажапе Найдакове), Д.Д. Лубсанове, В.Ц. Найдакове, М.В. Мохосоеве, алтайском ученом С.С. Суразакове, якутском — Н.В. Емельянове...

Среди ученых Бурятии и Сибири, да и страны в целом фигура А.Б. Соктоева была заметной, крупной и яркой. В начале 1980-х годов академик А.П. Окладников, директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, предложил Александру Бадмаевичу переехать в Новосибирск и возглавить специально создаваемое здесь подразделение по изданию серии книг «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», инициатором которой тот и был.

В 1983 году А.Б. Соктоев переезжает в Новосибирск, становится организатором сектора фольклора народов Сибири и первым директором Института филологии Сибирского отделения, единственного в системе Российской академии наук. Он основывает серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», выполняет обязанности заместителя главного редактора этой серии книг. Так волей судеб и в результате глубокой эрудиции в вопросах культуры и науки Александр Бадмаевич выдвигается на высокую арену подвижнической и звездоносной деятельности... Его авторитет на прежней должности в Бурятии был настолько высок, что в кулуарах иркутские

ученые-филологи и в шутку и всерьез говорили: а как Улан-Удэ будет жить без Соктоева?! Такое значение придавалось нами в ту пору личности этого незаурядного человека...

Говорят: большому кораблю большое и плавание. И в сибирской фольклористике, как на флоте, А.Б. Соктоев стал верным и достойным флагманом — командующим всеми делами солидной и сложной научной организации специалистов в области поэзии и музыки народов громадного региона страны.

Глубоко вникнув в содержание фольклора народов, он понял необходимость сохранения во всем объеме удивительных по красоте и содержанию произведений устной поэзии. Народы, независимо от того, большие они или малые по численности, воздвигли нерукотворные памятники, создали выдающиеся устно-поэтические произведения, бессмертные документы времени, ума и гения их творцов. Они хранят в себе «пленительную сладость», а обретя печатный вид, говоря словами Пушкина, «пройдут веков завистливую даль»... Это была глобальная научная задача.

И что интересно и важно — в прошлом, скажем, эпопеи Гомера «Илиада» и «Одиссея», как и многие другие образцы фольклора народов мира, остались без записей их мелодий, живого голоса певцов-поэтов, раскрывающих их исполнительские особенности и творческие портреты со всеми нюансами и характерными чертами звучания речи и песен действующих лиц и героев поэм.

Книги серии «Памятники...» в своем роде уникальные, редкостные, звучащие. Они издаются на языках подлинников и с параллельными переводами на русский, с обстоятельными вступительными статьями, комментариями, нотными записями произведений, с грампластинками с голосами исполнителей эпических поэм, песен, сказок, передающими живое, раздающееся, слышимое всеми слово современников и предков, открывающими их душу, волнение и радость, историю народа.

А.Б. Соктоев провел большую, прямо-таки титаническую работу по подготовке и налаживанию издания произведений народной поэзии, что явилось, без всякого преувеличения, его научным подвигом.

Книга — всегда радость, как говорится в народе, она ярче звездочки светит... Серия «Памятники...» рассчитана на выпуск 60 томов. К 2004 году выпущено 23 тома, некоторые же находятся в производстве. Опубликованы «Эвенкийские героические сказания», бурятский эпос «Аламжи Мэргэн», «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», образцы якутского, тувинского, нанайского, алтайского, хакасского, удэгейского и шорского фольклора. Такие издания осуществляются впер-

Демонстрация женской одежды западных бурят

вые во всероссийской и мировой практике публикации фольклорной классики. В составе серии — памятники устного творчества многих народов Сибири и Дальнего Востока, включая, конечно же, образцы русского, белорусского, украинского, еврейского, татарского фольклора, носители которого проживают в названном регионе.

В подготовке материалов участвуют все научные, педагогические, искусствоведческие и культурные силы страны, «мобилизованные и призванные» Соктоевым совершить это чудо. Их труд оценивается по достоинству. 5 августа 2002 года издан Указ президента Российской Федерации «О присуждении Государственной премии Российской Федерации 2001 года в области науки и техники». За цикл работ из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (разработка концепции академического издания и ее реализация в выпущенных в свет 18 томах) удостоены Государственной премии Российской Федерации восемь человек: Н.А. Алексеев, С.П. Рожнова, В.М. Гацак, А.П. Деревянко, А.Н. Мыреева и трое наших земляков — Е.Н. Кузьмина, М.И. Тулохонов и А.Б. Соктоев (ему премия присуждена посмертно).

Александр Бадмаевич, как и подобает флагману, создавал дружную и сплоченную команду фольклористического «корабля», которая смело и отважно штурмовала твердыни науки о народном слове. На долю Соктоева выпала и животрепещущая задача — организация комплексных фольклорных экспедиций в составе специалистов высочайшего класса, знатоков языка, музыки, вооруженных новейшей техникой по записи текстов народной поэзии, фотомастеров для выполнения документальных фотосюжетов.

Члены экспедиций побывали в самых отдаленных уголках безграничных просторов Алтая, Хакасии, Тувы, Эвенкии, Якутии, Амура, Чукотки... В 1984–1995 годах проведено десять комплексных фольклорных экспедиций, семью из которых А.Б. Соктоев руководил лично. Дорогих гостей — ученых радостно и восторженно принимали алтайцы и хакасы, тувинцы и эвенки, якуты и юкагиры, нанайцы и нивхи, чукчи и манси... Их встречи со знатоками фольклора выливались в праздники слова, поэзии, музыки. Работа же членов экспедиций в сложнейших условиях отдаленного края, равная прекрасным подвигам, заслуживает высочайшей оценки.

Такой оказалась миссия, возложенная на А.Б. Соктоева самой историей. Своим приездом и всей деятельностью он демонстрировал в дни экспедиционных работ свое внимание и глубокое уважение к сынам и дочерям безвестных доселе стойбищ и селений тайги, степей и тундры... В личности Александра Бадмаевича, яркой и высокой, как манящая звезда, люди видели представителя дружественного бурятского народа. Наш земляк встал с веком наравне и, как и его книги (из великой серии «Памятники...»), будет жить не старея, шагая с годами вперед и вперед... Имя его уже вошло в историю мировой фольклористики, стало быть, и мировой культуры.

Научное творчество А.Б. Соктоева обширно и многогранно, и оно требует, чтобы о нем было написано специальное исследование. В составленном М.К. Миткиновым библиографическом указателе насчитывается 117 названий опубликованных работ Александра Бадмаевича, 22 материала неопубликованных, а всего вместе со статьями о его творчестве и жизни — 158 названий. Работы Соктоева отличаются широтой тематики вообще — не только о бурятской литературе, но и о культуре других народов — русского, монгольского, тувинского, якутского, эвенкийского, алтайского, и фольклоре народов Сибири и Дальнего Востока. Среди неопубликованных работ А.Б. Соктоева имеются материалы об американских и западноевропейских художниках слова.

Бурная и благородная жизнь Александра Бадмаевича прервалась неожиданно. Случилось страшное и непоправимое — 3 июля 1998 года он внезапно умер. Невыразимое и безмерное горе постигло народ и его науку.

...Воздать должное другу, товарищу, сохранить память о добром, заслуживающем всеобщего внимания и уважения человеке можно не только в бронзе и мраморе. Пожалуй, один из наилучших способов сделать это в современных условиях — написать и оставить книгу воспоминаний: она и сохранит более объемно для истории имя человека, книгу не уничтожат ни время, ни пушки. Ученые Сибирского отделения Академии наук поступили

в высшей степени благородно — подготовили сборник мемуарных и исследовательских статей «Фольклор и литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева». В его «Предисловии» указывается, что это — дар памяти ему, «выражение глубочайшей признательности замечательному человеку», в «Послесловии» же проникновенно говорится: «Пусть и наш сборник оставит во времени образ и деяния одного из прекрасных людей России XX века — Александра Бадмаевича Соктоева».

Создание Института филологии и начало работы по изданию серии книг «Памятники фольклора...» под руководством А.Б. Соктоева ознаменовали, по существу, новый этап в изучении и публикации произведений народной поэзии в таком широком масштабе, что это сравнимо, наверное, с мыслями и подвигом А.М. Горького, «двинувшего» в тридцатые годы интеллектуальные силы страны на запись и изучение произведений искусства слова народов.

Идеи А.Б. Соктоева и их осуществление в жизнь — явление закономерное и в то же время эпохальное, общекультурного и общемирового масштаба. Серией томов «Памятники фольклора...» Александр Бадмаевич воздвиг памятник и себе, памятник огромный, впечатляющий и вечный. Он был человеком с богатырской душой и светлейшим умом. Говорят, что один в поле не воин. Это, конечно, так. Но если воин с головой, вооружен высокой идеей и уверенностью в своих силах, то он способен совершать чудеса. Такие чудеса и совершил наш земляк из Алари. Он посвятил родной Сибири, Отчизне «души прекрасные порывы», и пусть «Памятники фольклора...» будут песнями и гимном в честь «батора забайкальского», «батора бурятского» и, как поется в удэгейской песне, «великого и умного человека, большого начальника»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельхеев М.Н. Происхождение географических названий Иркутской области. — Иркутск, 1964.

2. Миткинов М.К. Библиография научных трудов член-корреспондента РАН А.Б. Соктоева // Творческое наследие ученых-литературоведов. — Улан-Удэ, 2001.

3. Писатели Восточной Сибири. — Якутск, 1978.

4. Соктоев А.Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. — Улан-Удэ, 1976.

5. Соктоев А.Б. Хоца Намсараев. Путь к социалистическому реализму. — Улан-Удэ, 1971.

6. Фольклор и литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. — Новосибирск, 2001.

НАШИ ИСТОКИ
(прошлое и будущее)

Галина Илларионовна Асхаева,
заведующая библиотекой
Мирнинского политехнического
института (филиал) Якутского
государственного университета,
г. Мирный, Саха-Якутия

«Прошлое, настоящее и будущее — сообщающиеся сосуды, — писал известный юрист Ю.И. Стецовский, — и чем больше мы обращаемся к истории страны, тем больше понимаем, что нам надо делать сегодня и завтра» (5, т. 1, с. 5). История непрерывна, разнолика, многослойна, но вместе с тем в ней существует своя внутренняя связь.

Сегодняшнее отсутствие осознания того, какие социальные и культурные процессы происходили в прошлом, усложняет понимание не только настоящего, но и образа будущего. Кто мы? Частью какого целого мы являемся? Откуда пришли? Какую историю мы будем продолжать?

Знания о прошлом отрывочны, в них много «белых пятен», мало четкости и определенности. В соответствии с доминирующими социальными и политическими задачами то и дело смещаются смысловые акценты при освещении исторических событий XIX–XX веков.

Глобальный затянувшийся кризис, охвативший страну, стал причиной интереса к подлинной истории жизни наших родителей и дедов. Воссоздание частных историй реальных людей, вокруг которых разворачивались те или иные события местного и государственного масштаба, имеет ценность для последующих поколений. На мой взгляд, это способствует сохранению этнической общности, ее консолидации.

С распадом общности «советский народ» перед каждым этносом встала задача поиска этногенерирующего фактора, способного обеспечить не только сохранение этнической общности, но и ее процветание.

Человеку без индивидуального видения и понимания связи своей личной истории с историей своего рода, семьи сложно

достичь полного понимания себя в настоящем и сложно представить себе образ будущего и своего личного, и страны, в которой он живет.

ИСТОРИЯ МОИХ ПРЕДКОВ

История предков заключается в бурятском понятии «нэрэ» — краткой истории имен людей. «Без истории человек не рождается, без дров огонь не загорается» — эта поговорка знакома многим бурятам.

В понятие «соло» входит то, к какому роду и племени относится человек. Существует легенда о Барга-баатаре и его трех сыновьях: Илюдэр-тургэнэ, Гур-буряаде и Хоридой-мэргэне. С двумя младшими сыновьями Барга-баатар отправился на восток, а старший — Илюдэр-тургэнэ — остался на старом месте и от него произошли калмыки. Среднего сына Гур-буряада отец оставил в Тунке у озера Ху-нур, на возвышенном месте Хохо-болдок.

У Гур-буряада было два сына — Булган-дахул (Булагат) и Эхирей-нэгэн (Эхирит). Сыновья являются предками четырех племен: эхиритов, булагатов, хори-бурят и хонгоодоров, и они вошли в генеалогическое древо каждого представителя этих племен.

Эхирит был женат на дочери Халык-хана. В семье был единственный сын Орой-ганса Зонхи. Род продолжили четыре сына: Нэнгэлдэр, Шоно, Нэрхэлдэй, Сууддаг-сагаан. Это предки верхоленских, ольхонских и ленских бурят Верхоленского уезда. Большинство из них селились в верховьях Лены и на берегах притоков Лены, Манзурки и Анги, в пределах нынешнего Качугского района Иркутской области.

Наиболее многочисленным был род Нэнгэлдэра. По одним данным, у него было трое, по другим — четверо сыновей. У самого старшего сына — Хазуухая — было два сына: Хадаалай и Хоргоohон. Из них Хадаалай имел семерых детей, и только этот род наследовал шаманский дар — «утха». «Дархан нэрьер утха» (кузнечный дар) взял его сын Буура, его сыновья-двойняшки Гал и Тумэр продолжили кузнечное и шаманское двойное наследие «дархан-боо» и впоследствии стали именитыми шаманами-кузнецами. У Гала было пять сыновей и среди них Хойбо.

Наш род относится к племени эхиритов, рода Нэнгэлдэра, к потомкам Бууры Хадалаева, внукам Хойбо — потомкам непрерывных кузнечно-шаманских утха.

НАША СЕМЬЯ

Значение семьи в формировании духовности чрезвычайно велико. Семья — это большая ценность для каждого человека. В ней приходит осознание себя, национального быта, национальных черт своего народа.

Наш род состоял из трех больших семей, главами которых были три родных брата — Асхе, Биша-нохэ, Бишхан. По бурятскому обычаю фамилия ребенка не всегда определялась фамилией родителей и не всегда наследовалась. Фамилия ребенка могла быть образована от имени отца или деда, чтобы определить, чей именно это сын или чья дочь. Так произошли фамилии семей Асхаевых, Бичахановых, Бишхановых. Отцовская линия считается главной.

Знание родословной в бурятских семьях было обязательным. В каждой семье всегда были родственники («уе тоологшо убгэд»), которые четко знали, кто из какого рода, какая наследственность, кто кому кем приходится. Брак между родственниками по отцу запрещался до седьмого колена. Поколения считали по суставам руки: плечевой сустав — один, локтевой — два, лучезапястный — три и три сустава, отделя-

Буряты-земляки в Архангельске. Верхний ряд: второй слева — Асхаев Максим Асалханович, третий слева — Бичаханов Владимир Михайлович. Средний ряд (слева направо): Асхаев Кузьма Асалханович, Асхаев Ангар Асалханович, Асхаев Старик Асалханович. 1916 г.

ющие фаланги пальцев. Для числа «семь» сустава нет, значит, родственники седьмого колена могут жениться между собой.

Детей знакомили с генеалогическим древом еще в детстве. На семейных празднествах старики подзывали к себе детей и заставляли перечислять дедов, прадедов, награждая похвалой и сладостями тех, кто тверже и больше знал. Это был своего рода экзамен по генеалогии, и дети соревновались в лучшем знании семейной родословной. Старики говорили, что каждый бурят должен был знать свою генеалогию. Кто-то даже знал историю своего рода до 20-го колена.

Знание генеалогии было необходимым элементом, так как родовые отношения играли очень важную роль в жизни наших семей, несмотря на ослабление кровнородственных, родоплеменных связей и территориальной замкнутости их. Члены одного рода должны были выступать в защиту сородича и нести ответственность в случае совершения им проступка. Судьями были старики-родичи. Судили они при всем народе в собрании всего улуса. В важных случаях допускались соприсяжники: по одному от 20–30 родичей обвиняемого, которые давали клятву в невиновности последнего. Соприсяжников выбирал обвиняемый.

«Святость родства, — писал историк Щапов, — священность родового союза, родовой общины, в силу инстинктов единокровно-родовой общинной симпатии признается самой верной и высшей и священнейшей гарантией справедливости и суда и святости клятвы на суде. Старики, главы семей, главы рода являются верховными судьями, хранителями правды в родовой общине». «Солидарность во всех общих интересах» и «общинно-юридическая самостоятельность рода в отстаивании своих интересов проявлялась во многих делах» (цит. по: 2, с. 99). Членам рода оказывалась помощь, все участвовали в общих жертвоприношениях и трапезах, других мероприятиях.

Самым азартным мероприятием была охота. Отчим моего отца Елбон Николаев (охотник) рассказывал об артельной охоте («аба»), в которой участвовали только родственники. С осени собирались по 50 и более человек, был общий продовольственный запас. Выбирали старшего, делили людей на небольшие группы и устраивали облаву. Добычу делили поровну. И сегодня крупицы традиций сохраняются, охотятся по такому же принципу, но бурятских поселений почти не осталось в Качугском районе.

Свою родословную знал и мой отец — **Илларион Макси-**

мович Асхаев, который в свое время передал мне ее записанной на листочке красивым, каллиграфическим почерком. (В то время, когда он учился в школе, правописанию уделяли большое внимание, и все красиво писали.) Там сообщалось, кто по какой линии нам родственник. На сегодня лучшие знания нашей родословной у Георгия Матвеевича Асхаева, работающего заведующим Верхне-Ленской межрайонной юридической консультацией в поселке Качуг.

В истории нашей семьи, как в зеркале, отразилась история России XX века. Пережили революцию 1917 года, репрессии 1930-х годов, Великую Отечественную войну, войну с Японией, послевоенное время, перестройку.

Мой дедушка **Максим Асалханович** Асхаев родился в улусе Алан-Балтай в 1896 году. Дедушка принадлежал к богатому шаманско-кузнечному сословию (роду).

Историк М.Н. Богданов писал: «Кузнечное ремесло у древних бурят было окружено известным ореолом. Кузнец пользовался большим почетом, к которому примешивалось чувство суеверного страха перед его необыкновенным искусством. Звание кузнеца было наследственно, как и искусство шамана, причем потомки кузнеца всегда могли при желании стать шаманами, и наоборот» (2, с. 91).

Кузнечное наследие — это волшебное наследие — утха — от «тэнгэринов» (небесных богов), ремесленное и магическое волшебство заклинаний, волхования, умение материализации волшебного слова. Поэтому шаман-кузнец проходит двойное посвящение. Тех, кто унаследовал утха от западных 55 тэнгэринов, называют «Божинтойн сагаан дархан утха».

Тэнгэрины спустили на землю божественного избранника Дабаан жолоо, сына тэнгэри-дархана Сагаан Божинтоя, с девятью сыновьями и одной дочерью с тем, чтобы они обучили людей кузнечному ремеслу по золоту и серебру. Белые шаманы-кузнецы имеют свой пантеон божеств, ранги и ступени по иерархии, шаманскую и кузнечную одежду. В среде шаманского духовенства кузнец-шаман занимает верховенствующее положение, так как владеет двойным наследием волшебных сил. Он чинит и переделывает не только предметы из металла, серебра и золота, но и «латает» человеческие души и здоровье (в астрале) волшебством, божьей силой.

Шаманы-кузнецы обладали не только магическим даром излечения недугов, но и имели большое влияние на род и семью.

После революции мой дедушка Максим Асалханович Асхаев работал кузнецом в колхозе «Знамя Ленина», пользовался большим уважением. Он делал прекрасные ювелирные ук-

рашения. У меня сохранился бабушкин серебряный браслет, а у сестры были золотые сережки.

Дедушку арестовали 25 февраля 1938 года по статье 58, пункты 8, 10. Ему было всего 42 года. 4 марта 1938 года он был осужден трибуналом УНКВД, 13 марта 1938 года расстрелян. Позже, в 1956 году, его реабилитировали.

В книге Ю.И. Стецовского «История советских репрессий» говорится, что массовые убийства и другие репрессии второй половины 1930-х годов осуществляли в соответствии с директивой Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 года «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам» и решением ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года (приказ НКВД СССР № 00447). Приказ, по существу, являлся секретным планом массированного нападения на различные слои населения Союза ССР. Указывались сроки начала и окончания нападения, необъятный контингент репрессируемых, их разбивка на две категории. К первой категории относились наиболее «враждебные элементы»; они подлежали немедленному аресту и расстрелу по решениям «троек». Ко второй категории относились все остальные, не менее «враждебные элементы»; они подлежали аресту и заключению в лагерь или тюрьму на срок от восьми до девяти лет. Для арестов и обысков не требовалось санкции прокурора. Иркутской области был утвержден лимит по первой и второй категориям. Указывался порядок репрессирования членов семей. Была оперативная группа, которой через каждые пять дней о результатах операций надлежало доносить Центру телеграммой и подробно почтой. Списки «врагов» составлялись по направлениям экономической и хозяйственной деятельности. В НКВД шло социалистическое соревнование в массовых арестах граждан независимо от наличия компрометирующих материалов.

Видимо, именно в эту «мясорубку» и попал мой дед. Только потом, в 1968 году, отцу пришло сообщение о реабилитации и денежная компенсация. Прочитав его, отец горько плакал. Мне было тогда 11 лет, и я впервые видела слезы отца.

После ареста деда бабушка **Елизавета Табинаевна** осталась одна с двумя детьми на руках: **Илларионом** (1927 г. р.) и Ниной (1936 г. р.). Кроме них в семье было еще двое детей, но они умерли раньше, в возрасте восьми-девяти лет. Позже бабушка вышла замуж за охотника Елбона Николаева, у них родились две девочки — Валентина и Евдокия.

Мой отец **Илларион Максимович** родился в деревне Алан, участвовал в войне с Японией, служил в Китае. После

демобилизации из армии он поехал в поселок Базой к своему родственнику Александру Михайловичу Бичаханову. По дороге он познакомился с моей мамой **Татьяной Тыхеевной** Николаевой (уроженкой пос. МРС Ольхонского района Иркутской области). С красивыми длинными косами, она после окончания курсов нормировщиц в Иркутске с подушками и другими вещами ехала в тот же поселок на работу.

Асхаевы Илларион Максимович и Татьяна Тыхеевна. 1952 г.

В последние годы жизни мой отец получил первое посвящение в шаманы. Шаманом человек не может стать по своему выбору или желанию, этот дар передается из поколения в поколение.

Для шаманизма (традиционная религия западных бурят) характерны обоготворение сил природы и умерших предков, вера в то, что в мире существует множество богов и духов, с помощью шаманов можно влиять на них для обеспечения счастья, благополучия и здоровья, отвращения беды.

Отец меня всегда удивлял даром предвидения, понимал и разбирался в этом. Помню такой эпизод. После смерти матери я через какое-то время приехала в отпуск в село Харбатово, не успев сообщить ему о приезде. Выйдя из автобуса, была очень удивлена, что он меня встречает. Я его спросила, от кого он узнал о моем приезде. Отец ответил: ему Татьяна сказала, что Галинка приедет. А мамы уже не было…

Отец занимался лечением, особенно хорошо помогал его дар тем, у кого были легочные заболевания. С обрядами шамана мы были знакомы с детства. Видели, как освящали дом, в котором жили, как приглашали шамана по особым случаям. Если я уезжала, отец обязательно разводил огонь в совке и просил, чтобы я «окурила» дымом ноги, а также «брызгал» на дорогу.

У нас был родовой дом Асалхановых в деревне Алан Качугского района. Тюркское слово «алан» — открытая луговая по-

ляна среди леса, эвенкийское «алан» — перевал. Тот и другой признак имеется в природе данной местности: здесь и луговая поляна среди леса, и перевал с реки Манзурки («Баянзурхен» — богатое сердце, сердечный) через Алан на реку Лену. Наше детство прошло там. Вдалеке виднелся бурятский улус, а дальше — русская деревня. Дом был большой, очень добротный и стоял особняком. Имелись просторное подворье, амбары, утуг, постройки для домашнего скота. Все было ограждено прочным забором с тяжелыми высокими воротами. Помню, когда нас из села Харбатово привозили зимой на лошадях в деревню Алан к бабушке Елизавете Табинаевне, мы, укутанные в тулупы, смотрели, как нам открывали эти ворота.

Как-то зимой, когда деда Елбона не было дома, ночью неожиданно громко начали лаять собаки. Баба Лиза взяла обрез, вышла в сенцы и выстрелила несколько раз через специальное отверстие. После этого бабушка зашла в дом, скоро собаки замолкли, наступила тишина. Еще в сенцах был специальный выступ (духовник), который выходил на улицу. Туда баба Лиза выставляла на ночь еду. Когда мы ее спрашивали, зачем она это делает, очень сердилась. Став постарше, я узнала, что в Сибири раньше выставляли еду на ночь для беглых арестантов. Были уже другие времена, но бабушка продолжала это делать, так как дом стоял в стороне.

ТРАДИЦИИ И ВОСПИТАНИЕ

Нас было пятеро детей, Илларионовых детей — Людмила, 1953 года рождения, Надежда, 1955 г. р., Галина, 1957 г. р., Алексей, 1959 г. р., Валерий, 1964 г. р. (погиб). Вместе с нами воспитывались племянники мамы — Кеша, Ирина, Геннадий. Было тяжело воспитывать детей в тот период, и мама помогала чем могла своим родственникам. Раньше не было брошенных сирот, не было бездомных стариков. Родственники брали на себя эту ношу. Лишь в последние годы буряты появились в детских домах и в домах престарелых. Издревле для бурят было невероятным бросить стариков или детей в случае трагедии, их забирали к себе родственники.

Традиция почитать родителей, внутренняя тактичность, толерантность у бурят заложены генетически. Если пришел старший, при нем молодой не может сидеть, обязательно встанет и посадит старшего на почетное место. Никогда не обижали младших, за ними ухаживали и поддерживали их в жизни. Такие традиции всегда существовали. Новые поколения западных бурят все больше отдаляются от самобытной культу-

ры, ее традиций, обычаев. Ученые Бурятии констатируют, что в районах, не вошедших в состав Усть-Ордынского округа, бурятская культура фактически исчезает.

К примеру, в Качугском районе Иркутской области в конце XIX века проживало около 20 тысяч бурят, в 80-е годы XX века — 1,5 тысячи, а сейчас еще меньше. Многие не владеют письменностью, в школах не изучается бурятский язык. Это уже со временем приходит понимание и осознание большой утраты в познании глубинного мира культуры, своего родового наследия, красоты общения, смысловой мощи языка.

Все духовные ценности приходили к нам через семью, традиции, быт, разговорный язык.

В старину человек начинал жизнь с понятия «сээр» (гнев божественных духов, которые наказывают того или иного человека в прямой пропорции от содеянного) и старался соблюдать его всю жизнь. В это понятие входят такие каноны:

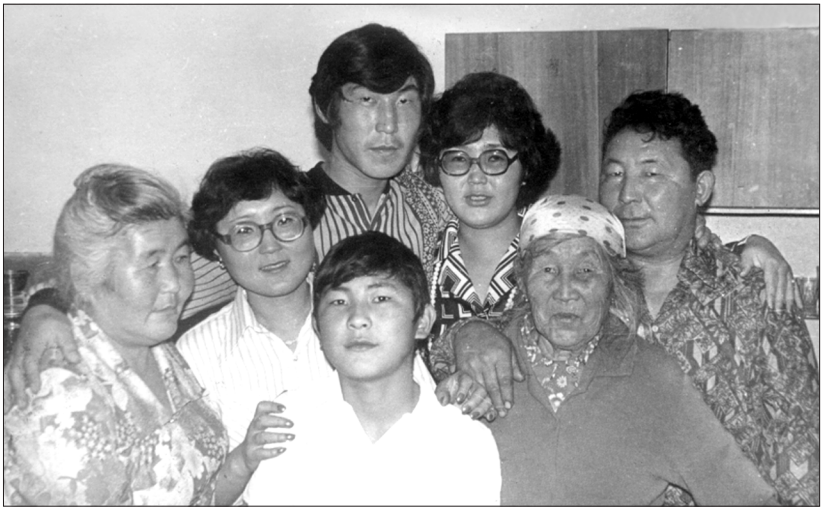
— не укради, чужое не бери;

— не убей, не твори варварские дела;

— не грабь и не влезай в чужую семью;

— не позорь свой род неумением что-то делать;

— уважай старших по возрасту, не перечь им и слушайся старших;



Семья Асхаевых (слева направо): мать Татьяна Тыхеевна, дети Надежда, Валерий, Алексей, Галина, бабушка Елизавета Табинаевна, отец Илларион Максимович. 1978 г.

— молись и чти во веки веков своих предков;

— помоги младшим по возрасту, помоги советами;

— спиртное не пей, выпил — сиди дома, не показывайся на людях;

— помни, что ты родился в роду человеком, чтобы славить и множить благие дела предков, передавать умение потомству;

— воспитывай своих потомков, чтобы оставили они добрый след во имя своих славных отцов, будь достойным продолжателем своего рода;

— будь сам примером славы и доблести;

— помни: дети твои будут жить именем твоим, во имя их здравия и благополучия не переступай порог сээр;

— не бери мзду, знаешь — укажи, можешь — помоги, ибо чужое добро тебе впрок не пойдет, потому как у каждого добра есть свой хозяин;

— изучай традиции и языки народов, с которыми живешь бок о бок, ибо сколько языков знаешь, столько будет твоих сторонников и друзей.

Эти истины передавались из поколения в поколение.

Моя мама всегда говорила нам: нашел чужое добро — не радуйся, чужие слезы впрок не идут, потерял — не плачь, откупился от какой-то беды, и т. д. Все жизненно важные каноны передавались нам в иносказательной форме и всегда с примерами. Мы благодарны своим родителям за то хорошее, что они в нас вложили.

ГЕНЕАЛОГИЯ БИЧАХАНОВЫХ

Самым известным представителем нашего рода в конце XIX – начале XX века был **Михаил Иванович** Бичаханов, купец 2-й гильдии, происходивший от Биша-нохэ. У него было три жены. На рубеже XIX–XX веков основной формой бурятской семьи была патриархальная. Она состояла из мужа, одной жены и детей. Многоженство встречалось только в среде богатых бурят.

Михаил Иванович занимался большой благотворительной деятельностью, был попечителем народной школы. Осуществлял поставки продовольствия на Север. Одним из его приказчиков был Черепанов из Картухая, который занимался поставками мяса на Ленские прииски. Он разбогател путем утаивания прибыли, но впоследствии рассчитался с Михаилом Ивановичем. По словам односельчан, Бичаханов помогал им, выделял зерно для посева, лошадей, продовольствие. Сына своего Николая отправил в Тибет учиться на ламу. По рассказам родственников, он оказал по-

мощь в снаряжении отряда Нестора Каландаришвили в 1922 году, который шел из Иркутска в Якутск. Был арестован и только благодаря записке от Каландаришвили остался жив. Позднее личное имущество М.И. Бичаханова было конфисковано, и его восемь детей выселили из родового дома.

Бамхаев (Бичаханов) Валентин Владимирович с дочерьми (слева направо) Валентиной, Ириной, Полиной. Поселок Удачный, Мирнинский район, Саха-Якутия. 1971 г.

Имена детей Михаила Ивановича Бичаханова: **Владимир** (1890–?), **Константин**, Наталья (1903–1993, Варнакова по мужу), Клавдия (Бороева), Августа (?–2000, Александрова), **Николай** (1912–?), **Андрей**, Соня.

Самое большое семейство было у Владимира — семь детей: Полина (Прокопьева), **Александр** (у него дети: Людмила, Зина, Виктор, Тамара), **Михаил** (погиб под Брянском в 1943 г.), Татьяна (Дембелова, дети: Тамара, Дарима, Сергей, Маша, Михаил), **Алексей** (дочь Татьяна), **Валентин** (Бамхаев, дети: Ирина, Полина, Валентина) и **Юрий** (дети: Игорь, Николай).

Тяжелое было время. Вспоминать о нем без слез и душевной боли невозможно. Дочери и внуки Бичаханова жили, работали, воспитывали детей. Из внуков Михаила Ивановича Бичаханова в Улан-Удэ живет Татьяна Владимировна Дембелова, в Мирном — Юрий Владимирович Бичиханов (последствия грамматической ошибки в метрике). Правнуков очень много.

ДАНЬ ПАМЯТИ

Сегодня настало время говорить об истории своего рода, о семье, обычаях, традициях. Надо восстанавливать генеалогическую ветвь-древо своего рода, имена предков, места их проживания и места покоя с целью посещения и поклонения

Дом М.И. Бичаханова, Качугский район, Иркутская область. 2003 г. Фото Ю. Лыхина

(«угаа тахиха, утха узууртаа мургэхэ»). Человек живет, пока о нем помнят.

Составление истории своей родословной может стать памятником тем, кто отдавал всего себя будущим поколениям рода, семьи. Данью благодарности нашим предкам может стать восстановление и поддержание родственных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров Б.Д. Таинства и практика шаманизма. — Улан-Удэ, 2003.
2. Богданов М.Н. Очерки истории Бурят-монгольского народа. — Верхнеудинск, 1926.
3. Новейшая история Отечества: XX век: В 2 т. — М.,1998.
4. Обряды в традиционной культуре бурят / Д.Б. Батоева, Г.Р. Галданова, Д.А. Николаева, Г.Д. Скрынникова. — М., 2002.
5. Стецовский Ю.И. История советских репрессий: В 2 т. — М., 1997.
6. Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы — бурят-монголы? — Улан-Удэ, 1991.
7. Шаракшинова Н.О. Бурятское народное поэтическое творчество. — Иркутск, 1975.
8. http://www.millennium.ru

МИФОЛОГИЯ В ШАМАНСТВЕ. ДУХИ-ОНГОНЫ КАК ЧАСТЬ ОБРАЗНОГО ВОЗЗРЕНИЯ БУРЯТ

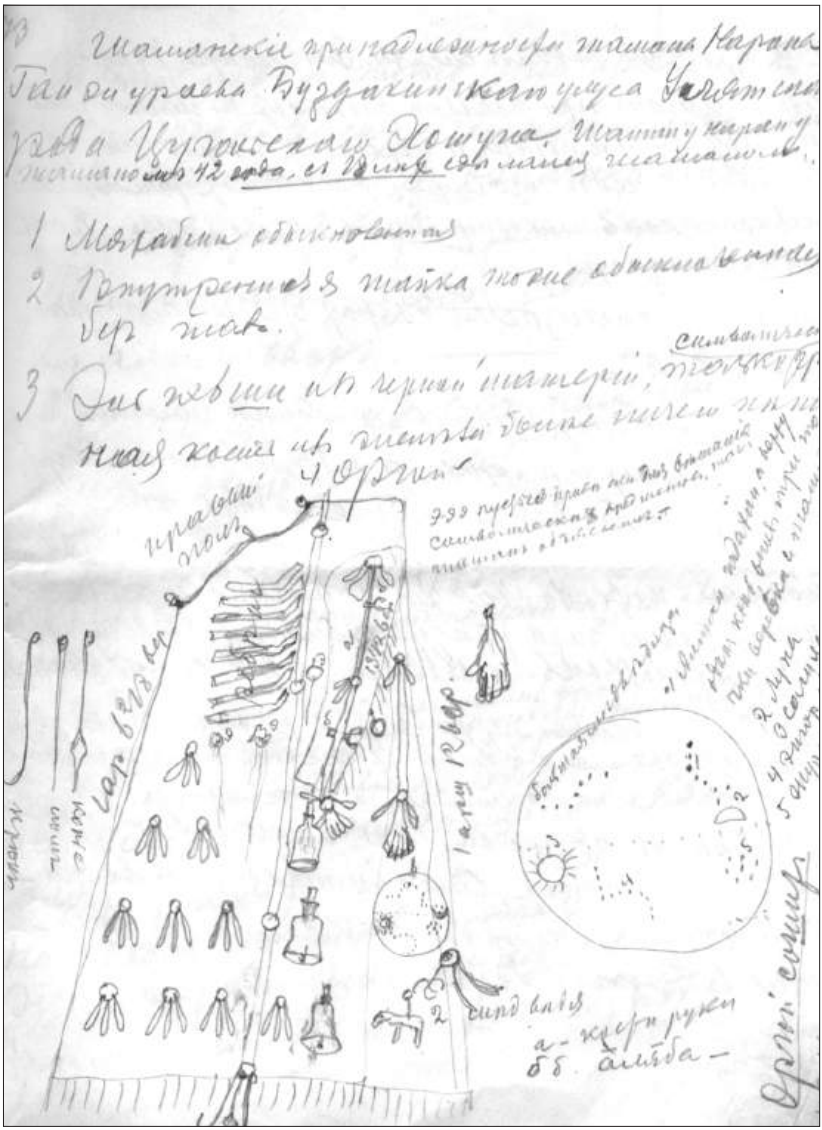
Анатолий Иванович Шинковой,
кандидат исторических наук,
заместитель директора
Государственного архива
Иркутской области по основной
и научной деятельности,
г. Иркутск

С древних пор шаманизм составлял часть духовного мира сибирских этносов. Являясь порождением первобытного анимизма, шаманизм оказывал влияние на формирование религиозных чувств и общественного сознания народов Сибири и Центральной Азии. Проникнуть в сущность шаманского мировоззрения, дать ему объективное объяснение пытались его первые исследователи в XVIII–XIX веках. Не всем им это удалось. Как справедливо отмечал один из исследователей прошлого В.М. Михайловский, большинство работ о шаманстве носили поверхностный характер, их авторы «...останавливались лишь на внешностях и рассматривали вероучения шаманистов как собрание грубых бессмысленных бредней, порожденных глубоким невежеством; самих же шаманов они считали хитрыми обманщиками, пользующимися, ради личных выгод, легковерием своих недалеких и простодушных соплеменников» (5, л. 2).

Такое негативное восприятие шаманизма происходило главным образом из-за того, что обращали на него легковесные взоры те, кто был приверженцем католицизма или православия и не желал попирать христианские добродетели загадочным и непонятным идолопоклонством. К тому же постоянный антагонизм внутри христианства вообще воспитал в людях неприятие иного религиозного мышления. Возможно, поэтому писавшие о шаманизме не могли в одночасье проникнуться благосклонностью к чужому вероучению, сочувствием его сторонникам. Неадекватная реакция на шаманизм проявилась особенно сильно, когда выяснилось, что он не сохранил в

себе единой, стройной религиозной системы. В нем имелся ряд ареальных и этнических отличительных форм и разновидностей, но сходство наблюдалось разве что в вере общения с духами, особенно сильно проявляемой во время неистового камлания шаманов, да еще в необычных шаманских костюмах и атрибутах, изготовленных из подручных материалов. В общем, пришлые европейцы смотрели на шаманизм как на местную экзотику. Они продолжали обличать шаманистов, но при этом не упускали случая заполучить экстравагантные одежды шаманов как недостающую часть соответствующего раздела в этнографических музеях. Навязывание образа жизни сообразно уровню своего сознания тем народам, которые не относились к так называемому цивилизованному миру, было присуще европейцам. История борьбы миссионеров разных конфессий за свою паству в Сибири имеет достаточно яркие примеры этого.

Ко всему прочему отдельные зарубежные исследователи ставили в вину России то, что здесь мало внимания уделялось изучению коренных народов Сибири. С этим едва ли можно согласиться. Число публикаций отечественных авторов по данному вопросу постоянно нарастало и, безусловно, возбуждало интерес читающей публики, которая стремилась к обновлению и расширению круга информации о еще мало известном крае. Достаточно назвать диссертационный труд первого бурятского ученого Д. Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов» (1846). Банзаров как никто другой близко стоял к азиатской культуре. Ему суждено было впервые дать научное описание шаманства и внести свое толкование в малознакомую область восточной религиозной культуры. Однако в основу сочинения Д. Банзарова легло монгольское «книжное» шаманство, подвергшееся буддийскому влиянию, тогда как чистое шаманство, особенно бурятское, до сих пор изучено недостаточно (5, л. 3). Он же объяснил происхождение слова «шаман», посчитав его производным от маньчжурского «саман», где корень «сам» означает беспокойство, возмущение. Иначе слово это можно истолковать как «человек, находящийся в состоянии взволнованного исступления». Подобный фразеологизм можно встретить в родственном маньчжурскому тунгусском (современном эвенкийском) языке. Тунгусы постоянно соприкасались с бурятами, их доля в этногенезе бурят особенно весома. Они первыми сообщили бурятам о буддийской вере,

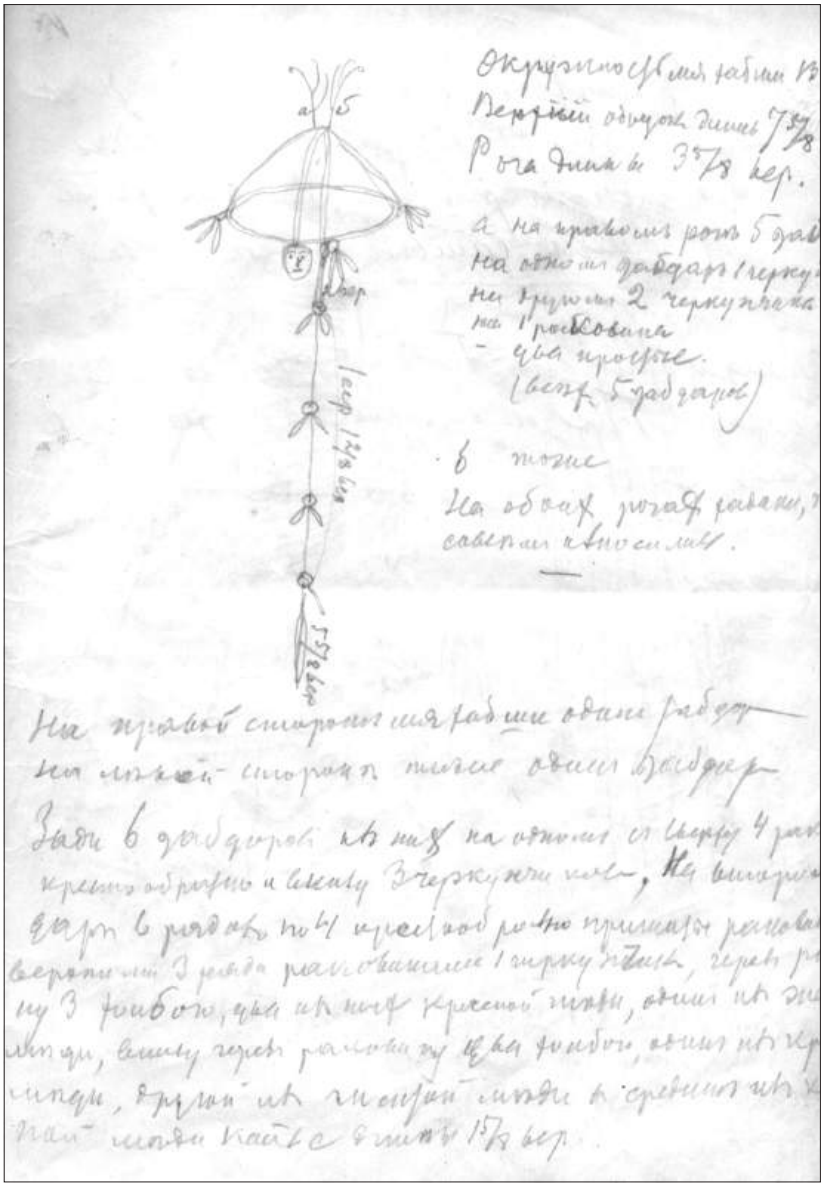


Страница из рукописи М.Н. Хангалова.
«Оргой» — плащ шамана.
Справа изображения солнца, луны и звезд
(ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 782)

пришедшей к ним через тибетский ламаизм. В пору распространения ламаизма среди бурят постоянно происходили стычки лам и шаманов. К примеру, ламы захватывали культовые места шаманистов, чаще всего находившиеся на возвышениях, постепенно внедряли в обрядовые действа последних свои религиозные правила. В процессе нарастания контактов двух религиозных идеологий у одного бурятского народа выявились однотипные действия и представления, будь то шаманское или ламское «обо» (место поклонения духам, богам), описанное этнографом М.Н. Хангаловым (2, л. 2–6), или же некое сходство в представлении о космогонии. «...В ряду священных изображений... буддийского культа тут же имеются священные птицы шаманов и прочие примеси шаманского культа» (3, л. 14). Постепенно произошло видимое примирение двух древних религий. Об этом говорится в одной притче. Как-то встретились на дороге тунгусский шаман и нищий лама. Лама подал шаману тарасун (молочная водка), тот его выпил. Шаман закурил трубку и передал ее ламе. Так подружились шаман и лама.

Относительно появления первого шамана на земле у бурятского народа существует несколько легенд. Суть одной из них в кратком изложении сводится к следующему. Когда вспыхнуло единоборство между сыновьями ведущих небожителей Хормустом и Атай-уланом за обладание красавицей, дочерью могущественного Сэгэн Сэбдэга, то от борьбы двух небесных «тэнгэринов» на земле воцарились хаос и мор. Глава тэнгэринов Эсэгэ-Малан содрогнулся, узнав все последствия той борьбы для земли, где еще долго стояли плач и стон. На большом суглане тэнгэрины осудили Хормуста за убийство соперника и согласились представить жителям земли посланника неба — орла, которому предписывалось изменить ужасную ситуацию на земле в лучшую сторону. Прибыв на землю, орел выследил девушку-пастушку, дождался, когда та загнала овец в лес, а сама легла спать под березой. Орел спустился к ней, а позже у нее родился сын, который и стал первым шаманом (6, л. 36–42).

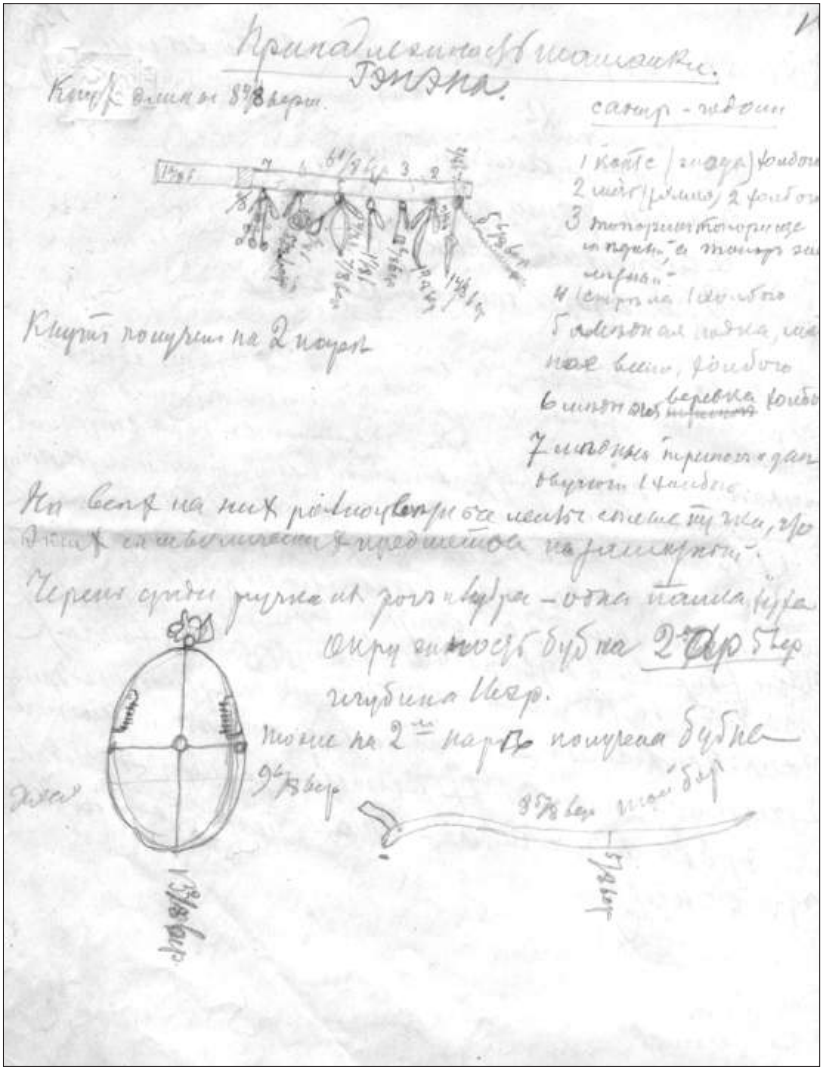
С тех пор шаманы считались подданными неба, отождествляли себя с птицей, чтобы иметь возможность общаться с внеземными духами. Право быть шаманом — «утха» — передавалось по наследству. Развившийся институт шаманов оказывал на бурят сильное влияние. Оно, пожалуй, усилилось в пору подчинения бурят в начале XIII века монгольскому миру,



Страница из рукописи М.Н. Хангалова. «Майхабши» — железная корона с рогами (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 782)

когда впервые о них как об этнической единице отложились письменные источники (12, с. 46). В отлаженной среде бытования бурят-монголов на понятийном уровне коллективного мышления, где старший рода — «беки» — владел правом быть шаманом и больше чем кто-либо был посвящен в родовой культ, развилась стройная система связей всего сущего и воображаемого миропорядка. Общее воззрение шаманистов склонило их к представлению о четырех мирах: небесном, земном, а между ними промежуточном и подземном. В этой устоявшейся в веках системе в сознании степняков и в целом этноса произошло слияние воедино реального и мифологизированного, религиозного миросозерцания. Была создана и постепенно изрядно заполнена иерархическая лестница шаманского пантеона. В него вошли высшие силы, разного рода небожители, наделенные светлыми и темными силами, каждый из которых выполнял конкретно отведенные ему функции. Имелись также другие сверхъестественные сущности. Все они классифицировались по трем категориям. Тэнгэрины поделили небо между собой на сто частей. Отличительной особенностью бурятского шаманского пантеона являлось то, что там имелось два лагеря высших божеств — западный (55 тэнгэринов) и восточный (44 тэнгэрина). Те и другие небожители постоянно враждовали между собой. Все как у людей на земле, где можно ощутить скрытое, а порой явное противостояние западной и восточной идеологий и культур. Властителем неба стал Эсэгэ-Малан-тэнгэри. Высшие силы напрямую с людьми не общались. Были у тэнгэринов дети — «хаты», и многочисленные слуги, поделенные по частям света и наделенные властью над людьми. Документальные источники хранят десятки имен высших тэнгэринов, которые при сопоставлении отличаются этнолокальными (родовыми) вариантами. Но единым остается предназначение тэнгэринов. Они делятся на правителей, наделенных полномочиями распоряжаться громом и молнией; светилами небесными; явлениями атмосферы; болезнями, страстями и наклонностями человека и, наконец, судьбой (8, л. 16).

В рамках настоящей статьи не представляется возможным дать подробную характеристику всего шаманского пантеона. Но одно обстоятельство все же отметим. Тэнгэр[и] — небо, тэнгэрины — небожители, слово «тэн» означает — половина расстояния (выше лишь «огкторго» — обитель бесконечных, т. е. бессмертных белых бурханов), слово «гэр» («гэрь») —



Страница из рукописи М.Н. Хангалова. Принадлежности шаманки: «минаа» — кнут (вверху), «хэсэ» — бубен и «тойбор» — колотушка для бубна (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 782)

дом (юрта), получается — небесный дом, местожительство богов. В других восточных мифологиях существуют аналогии. Так, в даоском пантеоне есть святые небожители бессмертные «сянь-жэни» («сяни»), некоторые буддийского происхождения. В Японии иероглиф «тэн» (кит. «тянь») означает небо. Случайно ли это совпадение?

К средней категории относились «бохолдои», невидимые духи, ставшие таковыми после выхода из тел душ умерших. Подобные духи продолжали существовать на земле. Некоторые шаманисты признавали главой бохолдоев Харжа мина хубууна. Прибайкальские буряты считали, что душа, превращенная в бохолдоя, становится подданным Далдэн-хана — царя того света. Бохолдои имели несколько разрядов. К первому разряду относились шаманы и кузнецы, почитаемые бурятами. Умершие большие шаманы — «заяны» (иначе — «галши») — те же бохолдои — но способные быть покровителями живых людей. Заяны и кузнецы были наделены силой утха, что делало их могущественными и грозными соперниками бохолдоев второго разряда. Среди последних встречались зловредные духи, посланцы Эрлэн-хана (Эрлик-хан), по своей природе настроенные против живых людей и домашнего скота. Подобных бохолдоев верующие буряты боялись, недаром говорили: «мертвый человек к мертвым тянет». Злые бохолдои подстерегали людей на дорогах, везде при удобном случае напускали на них всяческие недуги и порчу (4, л. 7).

Встречам людей с бохолдоями посвящены многочисленные древние предания, поверья, сказки и песни бурят. Шаманы убеждали людей в том, что все добрые и злые духи очень обидчивы, раздражительны, с ними надо всегда быть осторожными (4, л. 6). Не случайно буряты совершают обряд брызганья молоком или тарасуном (позже вином, водкой), чтобы задобрить местных духов — «эжинов», или тех же заянов, чтобы они заступались за людей и покровительствовали им.

К потусторонним силам низшей категории относились «hарь-мя-hаны», души раболепствующих, бесправных людей. У бурят они не так популярны, о них мало упоминаний.

Помимо всего прочего, буряты-шаманисты имели свое представление о душе человека. По их понятиям человек имеет три души. Первая душа («пайн пэнэпэн») — хорошая душа. Она оберегает человека, борется со злыми духами. Вторая душа («дунда пэнэпэн») наиболее пассивна, человека не защищает,

находится при нем даже в потустороннем мире. Третья душа («муу пэнэпэн») постоянно склоняет человека на плохой поступок. Она ищет способ погубить человека, поэтому помогает злым духам ловить первую — хорошую — душу (9, л. 1). М.Н. Хангалов приводит другие названия души. К примеру, первая душа — «алтан хунхэн» — золотая душа (2, л. 41).

В зависимости от физического состояния человека с его душой могли происходить различные метаморфозы. Душа была способна к виртуальному перемещению. Иные люди могли даже видеть ее. Вера в душу и духов у шаманистов

«Морин hорьба» — конные трости.
Из рукописи М.Н. Хангалова (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 782)

была незыблемой. Нечто подобное наблюдается в японской языческой религии синто. Древний синтоизм есть вера в повсеместно находящихся богов — «ками», духов и оборотней, свод религиозных законов и правил, отразившихся на мировоззрении и культуре народа. Синтоизм породил массу литературных сюжетов и художественных образов, в том числе культ души. Согласно ему, когда жизнь человека угасает, то его тело покидают две души: «кон» и «хаку». Душа кон исчезает и возвращается лишь раз в году в связи с поминальными днями — «бон-мацури», которые известны у европейцев за свою строгую красочность как праздник фонарей. Душа же хаку становится оборотнем и пребывает в доме вечно. Она и другие мстительные духи — «синрьё», «онрьё», приносят страдание человеку.

Как японцы устраивают поклонение душам умерших людей, хранят в своих музеях посвященные им объемно исполненные фигурки, так у шаманистов развился культ «онгонов», возникший как порождение почтения к предкам и желания задобрить злых духов. За культом внимательно следили шаманы, чаще сами его проводили (иногда культ справляли старики), поэтому культ онгонов сохранялся благодаря им. К тому же шаманы и онгоны считались хранителями бурятских родов.

В историческом прошлом каждый изображенный вид означал «хурэг» (монг. «изображение») — священный образ, картина у шаманистов. Все вместе обрядовые изделия — онгоны, ко всему прочему имевшие названия и собственные легенды. Позже онгону и хурэгу придали одно значение. Различные материалы, из которых делают онгоны, т. е. «одежду», называют «хурэкаши». К тому же встречается распространенное слово «зураг» — нарисованный онгон.

Таким образом, онгон олицетворял собой вместилище духа предка, прочих сил и представлял собой то грубое подобие человеческого изображения в виде рисунка, то просто шкурку какого-либо зверька, то обруч с натянутыми на него полосками ремня, кусочки сукна, керамику и т. д., то был из дерева или металла. Когда с помощью шамана изготовляли онгоны, то как бы воспроизводили души в предметно-видовых образах, посредством которых задабривали злых духов, изгоняли болезни из тела человека, совершали «духаху» — жертвоприношения богам. Благодаря заклинаниям шамана люди надеялись найти причину, а главное, тот онгон, от которого исходит

опасность. Они верили, что шаман мог заменить душу больного душою его друга или врага (обряд «Долихо») (7, л. 4). А Булгата-онгон — дух великой монгольской шаманки (Хан-Мунголэ) — способствует продолжению рода.

В XVII веке братья Хоридой и Хортон бежали в Аларскую степь, спасаясь от войны в Монголии. «Затрудняясь взять с собой дряхлого отца-шамана (по имени Бурто убугон) и жалея его оставить там, отрубили ему голову. Хортон повесил ее себе за спину на конце собственной косы. В пути они молились голове как онгону» (1, л. 1–2). С тех пор душа шамана стала хранителем Хангинского рода. Или такой пример. Когда-то в Аларском улусе долго почитался большой шаман Гохор-Зулгуй (слепой Зулгуй), имевший девять сыновей. Как-то братья-шаманы ослушались отца, тем самым погубили его и навлекли на своих потомков-шаманов гнев предка. Духи 27 шаманов, потомки слепого Зулгуя, насылали людям болезни: глаз, ног и рук. Посвященный им онгон Зурактан рисовался на лоскуте синей дабы. Шаманы, числом 27, изображались в шапках-«майхабши» с рогами, из них «9 слепые, 9 хромые и остальные 9 пахоруки». Рядом с ними изображали «хубилганов» — оборотней в виде животных или птиц. Они были избраны при жизни шаманами как талисман и находились у них в услужении после смерти. Считалось, что онгон помогал от названных болезней (1, л. 2–3; 4, л. 10 /20/).

Шаманская деятельность — явление специфическое. Шаманы были посвященными или непосвященными. Существовало девять степеней посвящения, которое могло тянуться не менее 20 лет (10, л. 36). По разным критериям, в том числе в зависимости от происхождения, шаман мог называться белым или черным. Этим определялась степень допуска к практике. Желание расширить число верующих приводило шаманов к козням и враждебным действиям между собой, чем умело пользовались ламаисты, действующие сообща. Вследствие этого шаманы разных родовых групп образовали свои отдельные культы.

Шаманская обрядовая практика подразумевает наличие у служителя культа специальной одежды. Ее покрой очень древний. Необходимые атрибуты собирались по мере посвящения в шаманское достоинство в течение жизни. Посвященный шаман должен иметь не менее 17 принадлежностей (10, л. 36–40). Такие предметы культа, как майхабши — железная корона с рогами (количество рогов зависело от числа посвящений шамана), «тойбор» — колотушка, «хур» — музыкальный сталь-

ной инструмент, и другие индивидуального пользования предметы обязательно заказывались специальным мастерам и кузнецам. Также немаловажное значение при проведении обряда шаманом имели три священных символа очистительного свойства: огонь, пихтовая кора («жодо») и «арцса» — можжевельник. Дополнительно к ним «ган-га» — богородская трава (иначе — «таньян»), считается у шаманистов священным растением, способным при сжигании умилостивить гнев духов (4, л. 9–10).

Бурятское шаманское мировоззрение в мифотворчестве соразмерно духовной культуре этноса, оно среди сибирских народностей наиболее самодостаточное. Поэтому оно насыщено необычайным богатством и разнообразием, и при углубленном его осмыслении архаизм воззрений прошлого оживает где-то на генетическом уровне народной памяти. Сохранились еще культовые потаенные места шаманистов, оберегаемые от недобрых людей, встречаются и археологические писаницы, не до конца исследованные, в том числе с фигурами шаманов, исполняющих танец священнодействия. Одно только перечисление названий известных памятных мест, в основу которых положено слово «шаман», может составить топонимическую картотеку Прибайкалья. Такие названия, как река Шаманка, село Шаманово, Шаманский порог, мыс Шаманка, Шаман-камень, падь Шаманский ручей, Шишкинская шаманка и др., утвердились во времени, вошли в оборот русской речи, стали неотъемлемыми в образном мышлении людей, «ведь каждое описание местности в нашей системе метафорично; каждое имя и слово намеренно завуалировано» (11, с. 456).

В последние годы можно наблюдать, как реанимируется шаманство, иногда это происходит на официальном уровне. Так, в июне 2002 года на острове Ольхон проходил Международный фестиваль шаманов. Его организаторы, ольхонское общество «Священный Байкал», собрали своеобразный шаманский каганат, участники которого устроили что-то вроде Вселенского танца шаманов, жгли священные костры, совершали прочие религиозные мистерии.

С 16 по 19 сентября 2002 года в Иркутске проходил 2-й Байкальский экономический форум. На нем был С. Миронов, в то время председатель Совета Федерации России, который посетил Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Там, среди местной администрации, одним из первых, кто его встречал, был шаман. Тем самым была продемонстрирована возрожденная давняя традиция, когда шаману отводилась особая миссия — первым принимать гостей.

8 марта 2003 года на озере Байкал впервые открылся праздник «Зимниада-2003». Право торжественного освящения зимних игр в поселке Листвянке было предоставлено шаману.

Современные условия жизни способствуют возрождению шаманизма в бурятском обществе, свидетелями чего являются и другие народы Приангарья. Но сама роль шамана остается минимальной. Своим стихийным появлением среди высокопоставленных государственных и общественных деятелей шаман олицетворяет искусно трансформируемую связь былого с современностью. Вряд ли эта искусственно обновленная традиция будет возрождена в том виде, в каком мы о ней знаем по литературе и сохранившимся документам. Однако шаманизм сегодня, несмотря на свой архаизм для не посвященных в него людей, не верующих и не вникающих в значение его языческого культового таинства, в чем видится одно из предназначений института шаманства, как и обряд шамана, представляется не более чем созерцательно-зрелищным действом, суть которого, при условии его дальнейшего распространения, еще предстоит осмыслить тем, кто склонен стать его явным или тайным приверженцем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 293, оп. 1, д. 755.

2. Там же, ф. 293, оп.1, д. 782.

3. Там же, ф. р-3492, оп. 1, д. 90.

4. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ). Отдел памятников письменности Востока, ф. 14, оп. 1, д. 2.

5. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 171.

6. Там же, 247/341а (подобная нумерация фонда и дела будет изменена в ходе предстоящей переработки в архиве).

7. Там же, 249/342а.

8. Там же, 250/342а.

9. Там же, 331/442.

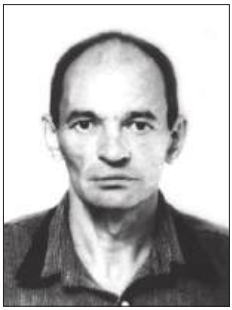
10. Там же, 350/355.

11. Блаватская Е.П. Голос безмолвия: Избранные статьи. — М., 2001.

12. История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1954. — Т. 1.

МАНХО

Александр Александрович Губин,
старший научный сотрудник
Музея истории города Иркутска,
г. Иркутск



В данный момент трудно определить точное значение слова «манхо», поскольку оно не встречается в известных нам словарях. По имеющимся сведениям, этим словом среди ольхонских бурят обозначают деревянный дом небольших размеров, который можно сравнить с христианскими часовнями, воздвигаемыми в уединенных местах. Иногда так называют небольшое треугольное сооружение в тайге, собранное из жердей, с опорой на деревья по углам.

Единственное место в нашем регионе, где культ манхо выражен наиболее явно, — остров Ольхон на озере Байкал. В настоящее время на острове имеется три сохранившихся манхо. Один из местных жителей упоминал о семи манхо, воздвигнутых по буддийской традиции для поклонения духам земли в наиболее почитаемых местах острова. Их поставили в период работы Харанцинского дацана в начале XX века.

Все известные нам манхо сооружены по одному принципу и представляют собой сруб или собранный из толстых плах домик простой плотницкой работы, размерами около двух метров по длине стены, с одной дверью, без окон. Крыша простая двускатная, кровля из строганых досок. На время строительства сооружений указывает применение фабричных гвоздей для крепления досок крыши и брусков на опорных столбах. Внутреннее оформление манхо заключалось в установке буддийского алтаря в виде широкой деревянной скамьи.

В двух случаях в непосредственной близости от манхо находятся «обо», культовые сооружения, которые ставились для поклонения духам — хозяевам земли, и возведенные в традиционной для данной местности форме — в виде кучи камней. По своему культовому значению и форме эти сооружения можно отнести к одной из разновидностей обо. По имеющимся

данным, для местного населения было нехарактерно сооружение построек, подобных манхо, и, скорее всего, эта форма привнесена в регион из Забайкалья или отражает другую добуддийскую традицию.

Основная масса населения районов, прилегающих к Малому морю, считает себя шаманистами. Шаманизм имеет глубокие корни и древнюю традицию, отражающую представления не только бурят, пришедших на эти земли сравнительно недавно, но и народов, ранее проживавших в регионе или тесно с ним контактировавших. В бурятской традиции нет понятий «шаманская юрта», «шаманский дом» или иного специального долговременного сооружения для проведения обрядов. Зато такое понятие имелось у проживавших рядом тунгусов, строивших шаманские чумы с сооружением вокруг них ритуального комплекса, символизирующего верхний и нижний миры, изображения духов помощников и т. д. Имеются данные и о ритуальных сооружениях (домах) у якутов, являющихся потомками курыкан — народа, населявшего ранее район Малого моря. Сооружения подобного рода традиционно

Манхо на острове Ольхон (оз. Байкал)

Манхо на острове Ольхон

строились в культовых местах Тибета, Юго-Западной Монголии, на Алтае и в Саянах. Нужно отметить и христианскую традицию установления часовен. Сооружение часовен имело очень широкое распространение в Сибири и определялось обширностью территорий и их малой заселенностью. Часто часовни устраивались и в местах, почитавшихся коренным населением как святые.

Указанием на буддийскую принадлежность манхо является наличие в одном из них традиционного буддийского алтаря и остатков тханки, а в другом — обрывков текстов на тибетском и старомонгольском языках, а также тот факт, что в Тибете местные монахи, уходя в длительное затворничество, селились в подобных строениях. В холодный период времени оно обогревалось только телом ламы. Этим объясняются малый размер построек и отсутствие в них окон.

Манхо на Ольхоне является выражением совместного существования различных религий на территории острова и ас-

симиляции различных традиций. Манхо не служили для жилья, ламы поселялись рядом в отдельно устроенных землянках или шалашах. Кроме того, некоторые манхо расположены в непосредственной близости к поселкам.

Поскольку манхо воздвигались в культовых местах, рядом с обо, одинаково почитаемых и ламами, и шаманами, то на алтаре в манхо рядом с буддийскими атрибутами появились ритуальные атрибуты шамана. Иными словами, хозяин манхо мог одновременно исполнять ламаистские и шаманские обряды. Таким же образом отправляли обряды и верующие.

Существует интересная легенда, основанная как на реальных фактах, так и на предположениях, связанная с манхо на горе Жима, расположенной в восточной части Ольхона. В конце XIX века рядом с манхо в землянке жил буддийский монах-отшельник, имевший несколько учеников. Один из них, по имени Турлак, обладал даром пророчества и после смерти отшельника вернулся в мир, где стал предрекать грозящие людям несчастья, общественные смуты и близкие кровопролитные войны. Его предсказания вызвали недовольство местной администрации, он как возмутитель спокойствия был выслан с острова в район Верхнеудинска (современный Улан-Удэ).

Вспомнили о нем после начала Русско-японской войны 1905 года и последующих социальных потрясений. Предположительно уже в советский период он вернулся на родину и проживал один, без семьи, работая у зажиточных родственников. Его любили дети, которым он рассказывал сказки и небылицы о будущих чудесах — летающих домах, говорящих сундуках, очевидно, имея в виду аэропланы и радио, которых в этих краях в то время еще не было. Умер он в безвестности, и сегодня точно не известны ни место его погребения, ни его форма. В памяти жителей он оставался как тихий сумасшедший, не заслуживающий особого внимания. О нем заговорили в настоящее время, на волне перестройки, после того как в воспоминаниях одного из политических заключенных из Прибалтики он был описан как замечательный пророк и ясновидец, человек, обладавший выдающимися способностями, предсказавший многие события нашей истории.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Людмила Семеновна Егорова,
директор Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа,
пос. Усть-Орда

24 февраля 1944 года бюро окружного комитета партии Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа приняло постановление «Об организации окружного краеведческого музея в рабочем поселке Усть-Орда». Открытие музея ставило целью показ и изучение культуры западных бурят. Здание, выделенное под музей, принадлежало Эхирит-Булагатскому району и было предназначено под интернат. 9 февраля 1946 года на заседании исполкома Усть-Ордынского Совета народных депутатов трудящихся было вынесено решение о продаже этого помещения музею и изыскании 25 тысяч рублей на покупку его у районо и ремонт. Из-за здания будущего музея, а это был наспех собранный сруб без окон, дверей, потолка и пола, разгорелись нешуточные страсти: Иркутский областной отдел народного образования категорически запретил продавать его. В то время на весь Эхирит-Булагатский район было всего две средних школы, и интернат был очень нужен, чтобы размещать детей, приехавших на учебу из дальних деревень. Но денег так, вероятно, и не нашлось, так как в отчете директора Преловского за октябрь 1947 года есть такие строки: «В конце октября неожиданно в окружкоме ВКП(б) встал вопрос о ликвидации музея, передаче фондов Иркутскому музею и передаче здания под интернат...».

Несмотря на распоряжение прокурора о выселении, сотрудники сумели отстоять музей. К тому времени была проделана огромная работа: летом 1946 года состоялось его открытие, шел активный сбор экспонатов, которым сразу же находилось место в экспозициях, формировалась библиотека. Были заключены договоры с кафедрой зоологии ИГУ на изготовление чучел, которые и по сей день экспонируются в музее. Под руководством научного сотрудника областного

музея П.П. Хороших проводились археологические экспедиции по Эхирит-Булагатскому району и по результатам обследования была составлена карта «Археологические памятники на территории нашего округа». В составе экспедиции профессора А.П. Окладникова сотрудники совершили археологическое обследование Баяндаевского района.

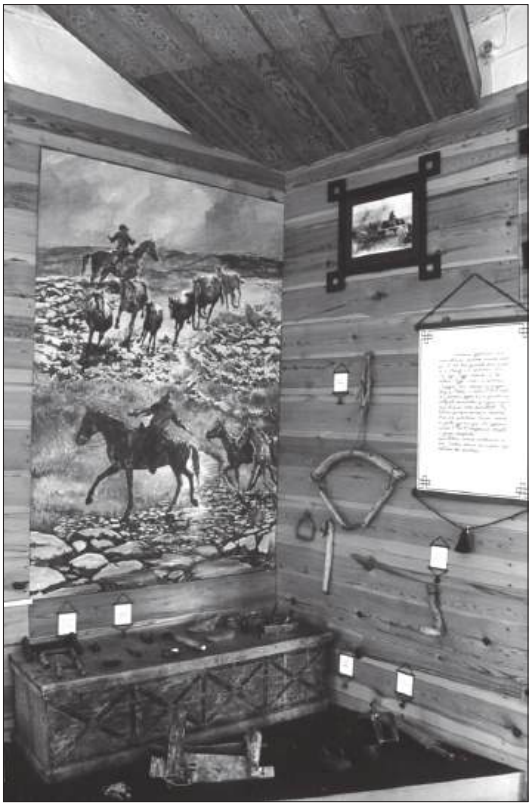
Экспозиция музея была следующей. В первом зале (отдел природы) располагались чучела животных, коллекции минералов, сведения о происхождении Земли. Во втором зале (отдел истории) находились археологические и этнографические предметы. В третьем зале (отдел соцстроительства) были размещены экспонаты по Великой Отечественной войне, портреты героев-земляков, материалы о пятилетнем плане. В 1960-е годы музей стал общественным, что крайне отрицательно повлияло на его деятельность. В 1984 году в ходе централизации музей вошел в состав Иркутского государственного объединенного музея (ИКОМ) на правах филиала. К этому времени здание вконец обветшало, и жизнь музея продолжилась в здании школы постройки 1938 года после проведения в нем капитального ремонта.

Сотрудниками ИКОМ на площади более 300 квадратных метров была разработана экспозиция, отражающая быт коренного населения с древнейших времен до настоящего периода. Археологическая экспозиция показывает историю развития древнего человека. Древнейший палеолитический период края представлен Буретской и Мальтинской стоянками. Открытия М.М. Герасимова в 1928 году, И.В. Арембовского и А.П. Окладникова в 1936 году носили сенсационный характер, так как ранее отрицалось заселение человеком Сибири в эпоху древнекаменного века. Материалы вошли во все мировые сводки по палеолиту и учебники по археологии. Этот раздел

Здание Усть-Ордынского окружного краеведческого музея. 1949 г.

В одном из залов Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. 2004 г. Фото И. Бержинского

экспозиции дает представление о природе, климате, хозяйственном укладе, жилищах, украшениях и предметах искусства, религиозных культах края в палеолитический период. В мезолите со значительным потеплением климата появляются новые популяции животных, новый хозяйственный уклад — рыболовство. О верованиях в загробную жизнь в неолите свидетельствуют раскопки учителя истории Каменской средней школы Н. Фетисова. В погребениях им обнаружены орудия охоты, труда, украшения, глиняные сосуды. В бронзовом веке употреблялись орудия, характерные для неолита, появились более совершенные. Керамические изделия стали украшаться более сложными орнаментами. В железном веке в экономике происходит крутой переворот — окончательно исчезают из быта каменные орудия труда, появляются железные. Происходит одомашнивание животных. Усиливаются связи с другими регионами. Петроглифы с Манхайского городища, датируемые VI–X веками нашей эры, знакомят с древней историей, хозяйством, бытом курыкан, живших в Кудинской долине, и являются прекрасными образцами изобразительного искусства. В галерее представлены: всадник с боевым штандартом, сцены облавной, одиночной охоты, кочевок, дикие и домашние животные. На Манхайских писаницах изображены лошади легкого сложения, схожие с породистыми лошадьми



Фрагмент экспозиции музея. 2004 г. Фото И. Бержинского

Средней Азии. Это объясняется давними и тесными связями курыкан с родственными им народами южных районов древнетюркского кочевого мира.

Раздел экспозиции «XIX век. Буряты» рассказывает о материальной и духовной культуре коренного населения, раскрывает хозяйственный уклад, быт, прикладное искусство, религиозные воззрения. Основу хозяйства составляли скотоводство, охота, рыболовство, земледелие, лесное собирательство. Буряты держали много скота: лошадей, коров, коз, овец. Были развиты домашние промыслы — обработка шерсти, кожи. Женщины, занимаясь выделкой кож, мехов, хорошо знали особенности материалов, их практические свойства, степень сложности в работе с ними. Выделка кожи и меха производилась разными приемами и способами, процесс был трудоемким. Грубая сыромятная кожа шла на изготовление упряжи. Из дымленых кож, которые не боялись влаги и становились мягкими, шили одежду, обувь. Важным занятием женщин являлась обработка шерсти, из которой валяли войлок, вязали чулки, носки, рукавицы, пояса; ткали ковры — «тары» из конского волоса и козьей шерсти. Рукавицы, унты, шапки шили из овчины, сукна, бархата, богато украшали вышивкой. Любимым материалом для изготовления утвари было дерево: мастера знали особенности различных пород, практически вся посуда, мебель и некоторый сельхозинвентарь делались из дерева. Вы-

соко ценились кузнецы — «дарханы», дар кузнеца считался даром небес. Особым почетом пользовались ювелиры, изготавливавшие из серебра украшения, ножи, курительные трубки, пояса, седла. О связях с Монголией, Китаем свидетельствуют мужская и женская одежда, украшения. На почетном месте в жилище находился сундук, в котором хранилось добро и богатство семьи. Существовало несколько типов сундуков: прямоугольные деревянные — «абдары», и более поздние — деревянные, украшенные металлом.

Все ремесла бурят: выделка шкур, обработка дерева, шерсти, домашнее ткачество, вышивка, насечка серебра на металл — представлены в стрелохранилище, обязательном свадебном атрибуте. Невеста, наполнив стрелохранилище стрелами, привозила его в дом жениха и ставила в изголовье кровати. Стрела у монголоязычных народов — символ богатства, которое измерялось количеством детей и скота. Традиционная религия западных бурят — шаманизм, отличительные черты которого — обоготворение природы и поклонение духам предков. По шаманистским понятиям мир делится на три части: верхний, в котором проживает самое большое божество — Вечно Синее Небо, рядом с ним 55 добрых юго-западных и 44 злых северо-восточных божеств. В среднем мире обожествлены «эжины» — хозяева местности. В нижнем мире поклоняются духам ушедших предков. Посредниками между людьми и тремя мирами являются шаманы, обладающие сверхъестественными способностями вступать в контакт с духами. При этом, воздействуя на них, шаманы выявляют причи-

Комплекс под открытым небом. Юрта. 1996 г. Фото И. Бержинского

ны проблем, возникающих у людей, при помощи различных обрядов, жертвоприношений, молений. В экспозиции представлены важнейшие атрибуты шамана. В зале «Почета» документальные материалы рассказывают о политических, военных деятелях, представителях научной, творческой элиты, героях труда и спорта. Богатый природный мир, обоготворение его бурятами нашли отражение в зале «Фауна». Выставочный зал площадью более 120 квадратных метров принимает выставки.

На территории музея располагается комплекс под открытым небом «Бурятская крестьянская усадьба конца XIX – начала XX века». Буряты, к тому времени перешедшие на оседлый образ жизни, зимой жили в усадьбах-зимниках, а летом переезжали на привольные, с богатыми пастбищами и сенокосами летники. В составе комплекса посетители могут познакомиться с жилыми и хозяйственными постройками, в частности осмотреть дом-зимник, юрту, амбар с традиционным убранством. Такой тип построек и планировка, неизменные на протяжении длительного времени, сегодня ушли из быта.

За последние сложные годы музейная сеть в округе увеличилась. Для сохранения культурного наследия с 1993 года ведутся работы по переводу лучших школьных музеев в государственные. Сейчас в состав музея входит три филиала. Основу экспозиции Осинского историко-краеведческого музея составляют этнография бурят, история района, его животный мир. Литературный музей А. Вампилова, возникший после его трагической гибели вначале как общественный, в настоящее время переживает бурное развитие, ведутся работы по созданию историко-литературного комплекса. В экспозициях рассказывается о жизни и творчестве знаменитого драматурга, уроженца поселка Кутулик. Богатейший краеведческий музей имени В.Ф. Раевского, созданный трудами учителя географии Е.Н. Титова, знакомит с прошлым края — археологией, бытом крестьян, жизнью ссыльного декабриста Раевского, каторжной Сибирью и современной историей.

С 1995 года музей носит звание государственного национального. Он активно участвует в общественной жизни региона, воспитывает общество на выработанных в течение многих поколений истинах, культивирует опыт проживания в многонациональном государстве, социально адаптирует членов общества. Музей формирует позитивный имидж региона, его туристическую привлекательность. Работа с иностранными туристами высоко оценена, в нашем арсенале несколько золотых, одна бронзовая медали и множество дипломов. Музей сотрудничает с музеями региона, научно-исследовательскими организациями. Созданный в тяжелые военные годы, музей развивается, проходя вместе со своим народом через радости и трудности и верно служа ему.

БУРЯТСКИЙ УЛУС-ЛЕТНИК В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

Александра Карповна Нефедьева, заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по науке, г. Иркутск

Культура и быт бурят Предбайкалья в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» показаны пока фрагментом улуса-летника, состоящего из пяти юрт, поставленных по эллипсу в шахматном порядке. Такой порядок расстановки юрт на местности был обязательным для каждого начинающего строительство бурята и основывался на его уважении к соседу. Юрта, стоящая напротив, должна была давать возможность выходящему из юрты соседа человеку сразу увидеть необозримые степные просторы, погружая его в привычный мир ощущений.

Такое планировочное условие расположения жилищ на местности было характерным для многих народов, особенно в первоначальный период их развития, когда численность населения не была велика, а свободных земель было достаточно. У предбайкальских (западных) бурят этот обычай сохранился до середины XX века, в течение всего кочевого образа жизни — переездов со скотом с зимников на летние пастбища и обратно. Долгое существование данного обычая обусловливалось не только этической нормой, но и практическими целями. Внутрь образованного юртами круга в ночной период загонялся скот, для обеспечения лучшей его сохранности.

Основная часть юрт, предназначенных для экспозиции, была вывезена в 1980 году из Алагуевского улуса, располагавшегося на побережье Байкала, близ известного селения Бугульдейка. По форме юрты восьмиугольные, рубленные из круглого леса способом «в обло», среди них отличительные особенности имеют две юрты, первая — рубленная из половинок бревен, вторая — из бревен, окантованных треугольником, поверхность которого обработана рубанком. Это единственная юрта, вывезенная из Эхирит-Булагатского района, где на конец XIX – начало XX века у бурят равное скотоводству зна-

чение получило земледелие. Соседство в этом регионе русских поселений с бурятскими улусами привело к изменениям в традиционном юртостроении. Характерными особенностями юрты этой культурной зоны стали прируб сеней, высокая кровля, нижний слой которой составляют строганые доски, верхний — дранье или тес. Традиционное покрытие юрт Алагуевского улуса было иное. Нижний ряд составляли жерди, выполнявшие роль потолка, они сверху покрывались лиственничной корой, на которую укладывался слой земли или дерна. Форма кровли низкая. Из хозяйственных построек, являвшихся также неотъемлемой частью улуса, были навесы, примыкавшие к одной из сторон юрты, кровля навесов односкатная, состоит из жердей, лиственничной коры и дерна, очень пологая. Под навесом хранились бурятская арба — двуколка с большими деревянными колесами, кожемялка. Основная часть площади под навесом оставалась свободной, предназначаясь для укрытия мелкого скота, овец, от дождя и солнца. В связи с этим в экспозиции под навесом находится длинное, в несколько метров, неглубокое и узкое корытце — поилка для овец. Почти в центре улуса под специально построенным навесом стоит глинобитная русская печь. Жители улуса пекли в ней хлеб. Украшают улус формы малой архитектуры — фигурные столбы-коновязи («сэргэ»), поставленные в десяти метрах от входа в юрты. Хозяева и их гости привязывали к этим столбам коней. Обычай ставить коновязь у юрты был связан с

Бурятский улус-летник в музее «Тальцы». Фото В. Тихонова

Печь для выпечки хлеба. Фото В. Тихонова

женитьбой сына. Установленным сэргэ оказывали честь свату, чтобы мог он, приехав в гости, коня привязать.

Этот обычай, затухший было в советское время, вновь возрождается, особенно у ольхонских бурят. Легенда, которую автору довелось услышать в конце 1980-х годов в селении Еланцы, объясняет это явление следующим. Одному русскому по фамилии Петров, проживавшему в улусе Зама Ольхонского района, приснился Варнашка, известный среди ольхонских бурят шаман-предсказатель. Будучи неграмотным, он предсказал бурятам появление электричества, развитие технического прогресса и социализм. Часто подходил к богатым и говорил: «Зря богатеете, скоро всего лишитесь». Предсказания казались бурятам настолько дикими, что они стали считать его сумасшедшим. И в очередной момент предсказаний убили его. Варнашка стал почитаться среди бурят после того, как все предсказания его сбылись. Варнашка скакал на белом коне и, увидев Петрова, остановился и стал жаловаться, что скачет он, скачет на своем коне и хотел бы остановиться и зайти в гости к соплеменникам, а не может, коня привязать не к чему. Проснувшись, Петров рассказал сон соседу-буряту. Молва о сне разошлась по всему побережью Байкала и острову Ольхон. С этого времени буряты в улусах снова стали ставить сэргэ, но уже не столько для свата, как прежде, а для духов-покровителей, чтобы они могли при желании своих небесных коней привязать к коновязи и посетить семью, поставившую сэргэ.

Восстановленный фрагмент улуса-летника является час-

тью экспозиции, которая будет представлена в будущем. В нее войдут улус-зимник, маломорский рыболовецкий стан и экспозиция, отражающая верования бурят, — миссионерский стан (на период конца XIX – начала XX в. буряты были двоеверцами — христианство прочно уживалось с язычеством). Языческие верования бурят будут показаны через «тайлаганы», места на которых поклонялись хозяевам местности, родника, священному дереву и т. д. В настоящее же время, несмотря на отсутствие значительной части будущей экспозиции, улус-летник дает посетителям довольно широкое представление о традиционной культуре западных бурят, показывает традиционные жилища, планировочную структуру улуса, взаимодействие жилищ с окружающей средой.

Дополнительное знакомство с культурой западных бурят происходит через интерьеры юрт, которые значительно расширяют представление посетителей о занятиях, быте, кухне и верованиях бурят. Особенно в этом отношении интересен, на наш взгляд, интерьер юрты, в которой проживал шаман — посредник общения бурят с разными божествами и духами. Шаман играл огромную роль в жизни бурят-язычников. Он мог предсказать судьбу и, если она была неблагоприятна для человека, даже изменить ее посредством жертвоприношения, а иногда и вступления в борьбу с духами, которые должны были принести вред человеку. Например, если какой-то из слуг Эрлик-хана — хозяина подземного царства — похищал душу бурята, то, чтобы спасти его от неминуемой смерти (по мировоззрению бурят, человек без души может прожить, постоянно болея, не более года), шаман вступал с духом в борьбу и мог победить, тогда душа возвращалась в тело заболевшего и он выздоравливал. Одновременно шаман был лекарем, лечил заболевших от разных болезней, а обрядовыми действиями, изготовлениями «онгонов» мог предотвратить, особенно детей, от разных неприятностей.

Отличительной особенностью интерьера юрты шамана от интерьера обычной юрты является наличие в юрте шамана атрибутики, которую он использует при камланиях, — это конные деревянные или железные трости, меч и, если шаман был особо заслуженным, т. е. отличался большой силой, железная корона. Все эти атрибуты хранились в ящике-«шэрэ», который ставился у передней стены юрты на мужской половине и представлял собой узкий сундук на высоких ножках. На его лицевой стороне изображены онгоны луны — девушки с

Сэргэ в бурятском улусе-летнике. Фото В. Тихонова

ведром, и солнца, также изображенного в виде девушки. Такой ящик-шэрэ стоит в нашей юрте, исполненный в новоделе по образцу подлинного шэрэ, находящегося в Иркутском областном краеведческом музее.

Обычно в юрте шамана находился и костюм шамана, но сегодня это настолько большая редкость, что в таком молодом музее, как наш, иметь эту вещь в подлиннике просто невозможно. Многочисленные экспедиции, проведенные в местах проживания бурят, выявили отсутствие костюма шамана у народа. И вопрос может стоять только о его воссоздании, что вполне реально, так как подлинные шаманские костюмы есть в экспозиции музеев Улан-Удэ, столицы Бурятии, соседствующей с Иркутской областью. Костюм шамана, будь он представлен в экспозиции, позволил бы экскурсоводу через железные кованые или литые подвески, изображающие духов, помощников шамана, раскрыть мировоззрение бурят по устройству Вселенной. Вселенная по понятиям бурят была трехмерной: подземный мир, средний — земля, верхний — небо. В верхний мир — мир обитания богов, шаман мог попасть только из подземного, и выносила его оттуда птица гагара. На костюме шамана подвеска с изображением этой птицы была обязательной.

Дополняют экспозицию юрты шамана различные по своему назначению онгоны: хранители жилища, покровители охо-

ты, луговые женщины, онгоны-обереги, изготовленные шаманом для детей. Все они хранятся на полке, установленной на мужской половине юрты. Интерьер юрты шамана представляет момент только что совершившегося обряда посвящения хозяина юрты в шаманы. Необходимым условием посвящения была установка в юрте рядом с очагом березки, вершина которой выходила в дымовое отверстие — «дэрэ». К выступавшей над юртой вершине привязывались три ленточки, которые соединяли ее с другой березкой, стоявшей от юрты в 10–15 метрах. Это символический путь на небо, по которому должен был подняться шаман для представления богам. После обряда посвящения в звание шаман получал от старшего шамана шаманские атрибуты. На первой ступени это были деревянные трости, оканчивавшиеся головой коня. В ящике-шэрэ нашего интерьера, открытом для обозрения, хранятся именно такие деревянные трости.

В остальном интерьер юрты шамана не имеет отличия от интерьера юрты бурята. Так же левая сторона юрты, называемая женской, наполнена посудой и утварью, используемой женщиной в ежедневном обиходе. На мужской половине стоят длинные узкие сундуки — «абдары», лицевая сторона которых украшена либо резьбой, либо росписью. Узор резьбы или росписи геометрический. На той же половине ближе к входу хранятся лошадиная упряжь, обувь. Все предметы быта незатейливой работы, практически не бьющиеся. Много изделий изготовлено из шкур животных. На полу мужской половины юрты и перед кроватью лежат коврики, изготовленные из коровьих, чаще лошадиных шкур. Таким образом, интерьер любой юрты отражает прежде всего основу бурятской жизни — занятие скотоводством.

ЛИТЕРАТУРА

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). — Л., 1937.

Петри Б.Э. Далекое прошлое бурятского края. — Иркутск, 1922.

Санжиев Г.Л., Санжиева Е.Г. Бурятия: История (XVII–XIX вв.). — Улан-Удэ, 1999. — Вып. 4.

26 марта 2004 г. Поселок Бохан, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ; 29 марта 2004 г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия. Международная научно-практическая конференция «Эрдэни Батухан — видный просветитель и государственный деятель Монголии, активный участник становления дружественных отношений между Монголией и Россией». Первая часть конференции проводилась Боханским филиалом Бурятского государственного университета по следующим направлениям: «Выдающиеся общественно-политические деятели России и зарубежья — выходцы из округа», «Исследовательская работа образовательных учреждений округа», «Национальная школа: пути модернизации». Через несколько дней конференция продолжила свою работу в Бурятском государственном университете в Улан-Удэ. Доклады участников конференции были распределены по двум секциям: «Родовая история Эрдэни Батухана», «Развитие регионального и приграничного сотрудничества с Монголией».

30 марта 2004 г. Иркутск, Россия. Центр восточной культуры Байкальского государственного университета экономики и права провел Третьи востоковедные чтения, посвященные жизни и деятельности П.А. Бадмаева (1851–1920), крупного и незаурядного бурятского деятеля: врача тибетской медицины, дипломата, мецената, политика. Участникам чтений были присланы приветственные письма родственников П.А. Бадмаева — внука, писателя Б.С. Гусева, правнуков О.Н. и Е.Н. Вишневских. В чтениях приняли участие специалисты из России, Монголии, Китая, Чехии, США. Наибольший интерес вызвали доклады: Ж.З. Тагарова (Иркутск) «К вопросу о родословной П.А. Бадмаева», Ж.Т. Тумунова (пос. Агинское) «П.А. Бадмаев — активный деятель восточной политики царской России», А.И. Андреева (Санкт-Петербург) «П.А. Бадмаев и русско-тибетское сближение», Ю.В. Кузьмина (Иркутск) «П.А. Бадмаев и „тибетский вопрос“», И.И. Ломакиной (Санкт-Петербург) «О портретах Петра Бадмаева». Во второй части конференции были представлены доклады магистрантов, аспирантов и преподавателей кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета экономики и права по современным проблемам экономического развития стран Восточной Азии.

Доржиев Б.Ш. О бурятских племенах и родах: Историко-этнографический очерк. — Улан-Удэ, 2003. — 91 с.

Книга посвящена вопросам происхождения, становления и развития бурятских племен и родов как основополагающих этнических подразделений, базы формирования бурятского народа. В работе рассматриваются древнейшие племена Прибайкалья как далекие предшественники бурятских племен, племенные объединения тюркского периода, прибайкальские племена монгольского времени — непосредственные предки бурят, родоплеменные и территориальные группы в начале русского этапа, роды и родовое управление бурят в составе Российского государства.

Шоно Батор: Бурят-монгольский героический эпос / Авторизованный перевод А. Гатапова. — Улан-Удэ, 2003. — 120 с.

В книге представлена первая попытка литературного перевода эпической поэмы «Шоно Батор» на русский язык. Главные герои этого эпоса — реальные исторические лица. Шоно Батор был младшим сыном известного ойратского хана Цыбена Рабдана. Известно, что он умер в 1732 году в возрасте 33–34 лет. Легенда о Шоно Баторе бытовала в бурятских улусах до 30-х годов XX века в устном виде. В 1936 году она была записана фольклористом А.М. Хамгашаловым в селе Бэльшэр Осинского района Усть-Ордынского Бурятского национального округа у сказителя Сагадара Шанаршеева.

Кузьмин Ю.В. Тайны доктора П.А. Бадмаева. — Иркутск, 2003. — 124 с.

В монографии впервые в российской историографии сделана попытка дать научную характеристику деятельности доктора тибетской медицины, ученого, дипломата и предпринимателя Петра Александровича (Жамсарана) Бадмаева (1851–1920). Человек уникальной судьбы, осуществивший путь от простого бурятского мальчика из Агинской степи до крупной фигуры Российской империи конца XIX – начала XX века, П.А. Бадмаев оставил о себе очень противоречивую память, массу тайн и загадок, разгадать которые не удается до сих пор.

БУЛАГАТ И ЭХИРИТ*

На западном берегу Байкала жили две бездетные шаманки — Асуйхан и Хусыйхан. Асуйхан была из атагатского рода, состоящего из десяти дворов, а Хусыйхан из хотоготского рода, состоящего из двадцати дворов** . У атагатов и хотоготов был такой обычай: у престарелых бездетных людей сверху, через дымовое отверстие, гасили очаг***, а имущество делили между родичами.

Однажды, когда Асуйхан и Хусыйхан сидели на хойморе****, от очага взлетели им на подол тлеющие угольки. Сестры воззвали:

— Угольки прыгнули на хоймор и попали нам на подол. Пусть они потом станут нашими сыновьями!

— Подождите немного, — был им ответ.

После они открыли священную книгу. Там они увидели, что у подножья горы лежит под быком железная колыбель с младенцем. Пошли туда сестры и не могут открыть эту колыбель. Снова раскрыли книгу и узнали, что колыбель надо освятить горящей стрелой. Так они и поступили. Когда они освятили ее горящей стрелой, колыбель звучно отворилась. Там лежал мальчик. Сестры принесли его домой, завернув в подол. Его назвали Булагатом, найденным под быком Буха-ноёном.

Когда мальчик научился ходить, он стал уходить на берег моря*****, пропадая там целый день.

— Почему ты играешь только на берегу моря? — спросили его приемные матери.

— Из моря выходит мальчик, и мы с ним хорошо играем, — ответил Булагат.

Сестры нагнали архи, приготовили оладьи, сушеные пенки и тараг и дали своему сыну.

— Угости того мальчика этой едой, а когда ему захочется пить, дай ему архи, — напутствовали они его.

---

* Печатается по кн.: Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды. — Иркутск, 1992. — 368 с.

** Понятно, что здесь число дворов указывается случайное, мифическое, как характеризующее начало начал. В данном случае оно вытекает из аллитерации арбан урхэ атагад, хорин урхэ хотогод — десять труб атаганов, двадцать труб хотогодов.

*** То есть умерщвляли. В сюжетно близких преданиях, записанных С.П. Балдаевым, прямо указано на обычай умерщвления бездетных старух или вообще бездетных стариков.

**** Хоймор — почетная сторона в юрте.

***** То есть на берег Байкала.

Так и сделал Булагат. Угостил друга едой, а когда тому захотелось пить, дал ему архи. Морской мальчик выпил архи и, опьянев, уснул. Пришли сестры-шаманки и, завернув спящего мальчика в подол, принесли домой. Назвали его Эхиритом, у которого отец — пестрый налим, а мать — береговая щель.

Потом от Булагата пошло бурятское племя булагатов, а от Эхирита — бурятское племя эхиритов.

НЕБЕСНАЯ ДЕВА ЛЕБЕДЬ

Буряты почитают лебедей, брызгают вслед им молоком. Об этом есть такой сказ.

Это случилось весной. Высокое небо сияло синевой, необъятная земля блистала свежей зеленью. Исчез лед на Байкале. По берегам его, словно огонь, заполыхал розовый багульник. Разливался вокруг терпкий запах цветущей черемухи. Под жгучими лучами солнца тянулся ввысь в деревьях сок. Это было время, когда расцветало все, что было голым и облезлым. Это была пора беспредельной власти любви. Пора, когда нарождались в гнездах и логовах птенцы и зверята.

Хорёдой-хубуун охотился на берегу Байкала. Подкрадываясь, он стрелял из лука и добыл уже немало дичи. Вдруг он услышал над собой чьи-то звенящие голоса. Задрав голову кверху, увидел в зеркально-ясном голубом небе серебристую вереницу лебедей. Они летели вниз, опускаясь недалеко от охотника. Спрятавшись за деревьями, Хорёдой-хубуун наблюдал за птицами. Лебеди с кликаньем сели на морской берег и, сбросив с себя оперенье, превратились в девушек. Потом они бросились в Байкал. Они шумно ныряли, плескались и обрызгивали друг друга водой. Тихо подкравшись, Хорёдой-хубуун взял оперенье одной из девушек. Всласть накупавшись, девушки вышли на берег и стали одеваться. Только одна из них не может найти свою одежду, потерянно бегает туда-сюда по берегу. Хорёдой-хубуун вышел из своего укрытья. Всполошились девушки и, превратившись в лебедей, взмыли в воздух. Только одна из них осталась, обнаженная, перед молодым парнем. У нее было прекрасное белое лицо, налитое гибкое тело, развевавшиеся до колен блестящие черные волосы. Крепкая грудь ее, расцветшая в нетерпении юности и ждущая ласки любимого, чуть заметно подрагивала при ее движениях. Готовые дать молоко притихшему ребенку, напряглись ее розовые соски.

Когда Хорёдой-хубуун стал приближаться к девушке, она с лебяжьими криками «гун-гун» забежала в воду. Там она стала плакать, умоляя вернуть ей одежду.

— Прекрасная красавица, милая девушка! — обратился к

ней Хорёдой-хубуун. — Выйди из воды! Я не буду насмехаться над тобой, унижать не буду. Я — сын отца, имеющего имя, я — дитя народа, имеющего славу! Стань моей женой, сохрани наш очаг, чтоб не погас наш огонь! Народи мне удалых сыновей. Буду поить тебя родниковой водой, угощать спелыми ягодами и плодами, омывать в чистой байкальской воде.

Внимательнее взглянула красавица на стоящего перед ней парня. Видит, это мужественный молодой мужчина в расцвете сил. Застучало сильнее взволнованное ее сердце, в душе стало расти, как цветок, теплое чувство. Вышла она на берег и, сорвав ветку, прикрыла тайные места свои. Потом подала руку Хорёдой-хубууну и пошла с ним вместе в его пышный белый дворец.

Перепрятав в укромном местечке одежду с лебяжьим опереньем, Хорёдой-хубуун одел прекрасную девушку в голубые шелка. Соединившись в семью, они обжились и все дни проводили в мире и согласии. Родилось у них одиннадцать детей.

Однажды осенью, когда над их жилищем целый день тянулись к югу караваны перелетных птиц, обратилась к Хорёдою его жена.

— Мы так давно живем с тобой, начали уже стареть, — стала говорить жена. — Я родила тебе, мой милый муж, одиннадцать детей. Достань, пожалуйста, мою девичью одежду. Полюбуюсь на нее, покрасуюсь в ней.

Послушался ее Хорёдой-мэргэн. Достав из тайника лебяжью одежду, отдал ее жене. Она надела ее и превратилась в белого лебедя. Потом обратилась к семье:

— Супруг мой дорогой, Хорёдой! Любимые сыновья мои, богатыри! Живите долго и счастливо! Дети мои, станьте отцами-прародителями одиннадцати родов, идущих от Хорёдой-батюшки и лебедицы-матушки! — сказав такое благопожелание, взлетела она к дымовому отверстию-тоону.

Хорёдой, любивший побаловаться вином, как раз в это время обмазывал глиной котел для перегонки архи. Пытаясь удержать ее, он лишь вскользь задел грязной рукой лебяжьи лапки. Женщина-лебедь взмыла в сине-лазоревое вечернее небо.

Говорят, с той поры у белых птиц-лебедей черные лапки. Имена одиннадцати детей Хорёдоя и птицы-лебедя такие: Галзууд, Харгана, Хуасай, Хубдууд, Баганай, Шарайт, Бодонгууд, Гушад, Сагаан, Худай и Халбин. Умножившись числом, их потомки составили нынешние одиннадцать хоринских родов.

Поэтому хоринцы чтут птицу-лебедя. Для них убить лебедя, это все равно, что покуситься на жизнь родной матери. Услышав голоса пролетающих лебедей, женщины выходят на улицу и совершают, брызгая молоком, обряд поклонения священной птице.

СТИХИ*

Лариса Босхолова

ОДА ЗЕМЛЕ

Вблизи могучего Байкала
Лежишь привольна, широка,
Гэсэра** родина степная —
Моя бурятская земля!

Воспета в мудрых улигерах***,
В них славу, вечность обрела.
В снега и зелень вся одета,
Моя священная земля!

Богата щедрыми дарами,
Горда ты знатными сынами,
Мечтой крылатою сильна,
Моя любимая земля!

Цвети от края и до края,
Как вечно юная весна.
Расти ты, старости не зная,
Моя прекрасная земля!

САГААЛГАН****

Словно музыка древних преданий,
В феврале к нам приходит Сагаалган.
Символ счастья бурят — белый цвет.
Он как спутник всех прожитых лет.

Белой пищей гостей угощают
И сердечным теплом окружают.
Мудрость предков давно нам известна —
На земле жить в согласии вечно.

---

* Печатаются по кн.: Босхолова Л. На Земле Гэсэра: Избранные стихи. Проза. — Ангарск, 1993. — 56 с.

** Гэсэр — герой бурятского эпоса.

*** Улигер — народное сказание, эпос.

**** Сагаалган — Новый год по восточному календарю.

Чтоб всегда уважали мы старость
И дарили б друг другу лишь радость.
От Сагаалгана ждем мы удачу,
Исполненья желаний в придачу.

Пусть счастливыми будут все дети,
Чтоб не знали нужды и потери.
Пусть навеки исчезнут раздоры,
Лишь о добром идут разговоры.

СУР-ХАРБАН*

Среди полей и синих сопок
Раскинул улицы поселок.
Гостей он ждет уже с утра —
Посланцев спорта и труда.

Весна с заботами прошла.
Настал момент соревноваться.
И каждый будет как всегда
Всем существом к победе рваться.

Как Сур-Харбан нас всех роднит,
Здесь каждый дружбой дорожит.
Татарин, русский и бурят
Одним желанием горят.

Ликуют люди на трибунах,
И здесь мы видим мир единый.
Борцы в спортивных атрибутах
Свой начинают поединок.

В нетерпеливом ожиданье
Коней уж видим мы на старте.
Они привыкли к состязаньям,
Глаза горят у них азартом.

Стрельба из лука всех волнует,
А звуки лимбы** так чаруют.
Веселый, праздничный народ
Толпой на праздник свой идет.

---

* Сур-Харбан — праздник.

** Лимба — бурятский национальный инструмент.

А ёхор* — наш старинный друг,
Собрал друзей в заветный круг.
И слышат горы и равнины
Мотив волнующий, старинный.

Живи и здравствуй, Сур-Харбан!
Ты для души моей аршан**.
Как светлый миг родной земли,
К победам новым нас веди.

ЗОВ

Я слышу зов родных степей,
Мне снится отчая земля.
С годами рвусь туда сильней,
Ведь там взошла моя заря.

И сколько б ни было на свете
Больших и малых городов,
Но мне отрадней на рассвете
Услышать пенье петухов.

И я пойму, что снова дома,
Мои леса, поля вокруг.
Но я судьбою вновь ведома,
Не разорву сей жизни круг.

А годы мчатся все быстрее,
Спешит за осенью зима.
Не оттого ль мне все милее
Земля, взрастившая меня?

Об авторе: **Лариса Матвеевна Босхолова** родилась 30 мая 1951 года в улусе Маралтуй Баяндаевского района Иркутской области. После окончания школы работала пионервожатой в Загатуйской средней школе, затем учителем физики в родной Гаханской школе. В 1970–1974 годах училась в Восточно-Сибирском государственном институте культуры в Улан-Удэ. По окончании работала в Усть-Ордынской окружной библиотеке имени М.Н. Хангалова. Стихи начала писать в 40 лет. В настоящее время живет в поселке Усть-Орда, литературный сотрудник газеты «Панорама округа».

---

* Ёхор — танец.

** Аршан — целебный источник.

БЛЮДА БУРЯТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ*

САЛАМАТ

Саламат — традиционное и любимое бурятское блюдо. До того как под влиянием русских буряты познали хлебопашество, для приготовления саламата они использовали мучнистую массу из высушенных корней различных съедобных растений.

Готовят саламат обычно в чугунной посуде. Можно использовать и другую жаропрочную. Считается, что в чугунном котле при варке саламата обильнее выступает масло.

Сметану кипятят на слабом огне, постоянно помешивая деревянной ложкой. Затем в нее начинают медленно подсыпать муку, при этом убыстряя помешивание, в противном случае образуются комки, так же как при приготовлении, например, манной каши. Беспрерывное помешивание сказывается на выделении масла, чем больше его выступает, тем лучше. Для этого подливают молока или даже воды, разумеется, совсем немного. Для саламата лучше всего подходит ржаная мука грубого помола.

Блюдо считается готовым, когда на дне и по бокам посуды появится румяная корка и сама кашеобразная масса, вся пропитавшись маслом, перестанет прилипать к ложке. Это блюдо питательно и высококалорийно.

Саламат подается в пиалах или блюдцах.

На 6–8 человек — 1 килограмм сметаны, 1 стакан муки. Соль по вкусу.

ЧЕРЕМУХА С САРАНОЙ

Промытые и очищенные клубни сараны варят в цельном молоке до распадения долек. Затем добавляют молотую черемуху. Сахар кладут по вкусу. Хорошо вымешав, массу варят 15–20 минут. Блюдо готово. Предварительно охладив, можно подавать на стол.

---

* Печатаются по кн.: Цыдынжапов Г.Ц., Бадуева Е.Б. Бурятская кухня. — Улан-Удэ, 1991. — 96 с.

БУХЛЁР

Без него редко обходится обед или ужин в бурятской семье. Приготовить его несложно, зато блюдо это сытно, вкусно и питательно.

Взять разруб из передней части туши барана. Нарубить вместе с костями на кусочки примерно граммов по сто. Положить их в кастрюлю в количестве, соответствующем составу семьи или числу приглашенных гостей, залить холодной водой. Затем опустить надрезанную головку репчатого лука, а еще лучше дикий сушеный лук.

Варить на несильном огне 35–40 минут, периодически помешивая и снимая пену. Соль класть по вкусу, сразу после закипания.

Прежде чем снять кастрюлю с огня, добавить в бульон лавровый лист и перец. Перед подачей на стол заправить его репчатым луком, нарезанным соломкой, или диким луком, мелко нашинкованной петрушкой или укропом.

На 4 человека — 1 килограмм баранины, 1–2 головки лука, соль, перец, лавровый лист.

ХОШХОНОГ

Прямую кишку (хошхоног) хорошо вымачивают, моют в теплой воде, при этом выворачивая и тщательно очищая. Нарезают на кусочки по 15–20 сантиметров и варят в подсоленной воде.

Подают как самостоятельное блюдо или в букете субпродуктов вместе с брюшиной, почками, печенью.

ХИИМЭ

Мясо отделяют от костей, измельчают секачом в деревянном корытце (тэбшэ) или пропускают через мясорубку с крупной решеткой. Затем добавляют измельченный жир-сырец, муку, воду, репчатый лук, соль, специи и хорошо вымешивают.

Этим фаршем начиняют хошхоног, завязывают концы шелковыми нитками. Полученные сардельки длиной в 15 сантиметров отваривают в соленой воде 45–60 минут. Если при прокалывании выделяется светлый сок, то сардельки готовы.

Подаются они к столу в горячем виде.

На 10 сарделек — 850 граммов говядины, 220 граммов внутреннего жира-сырца, 3 головки лука, столовая ложка муки, полстакана воды. Соль и специи по вкусу. Хошхоног — 1,5 метра.

АРСА

Сытный жаждоутоляющий напиток. В холодном виде он незаменим во время полевых и сенокосных работ. Очень вкусен, обладает определенными диетическими свойствами.

У бурятского писателя Жамсо Тумунова в романе «Степь проснулась» читаем такие строки:

«— Почему не отдохнете? Идите к нам, попейте арсы, молока, — участливо обратилась Сэсэгма к старушке».

Приготавливается арса следующим образом. Берут 3 литра воды, 2 килограмма белого сгустка (арсы). После того, как их тщательно перемешали, добавляют 300 граммов пшеничной муки, лучше грубого помола. Снова перемешивают, чтобы получилась совершенно однородная масса, варят, постоянно помешивая, 20–30 минут.

Перед употреблением заправляют сметаной или сливками. Пьют, по желанию, в горячем виде или охлажденной.

Готовят арсу и с зерном. Промытая, очищенная и провеянная пшеница поджаривается на сковородке или противне. Чтобы она не подгорела и равномерно поджарилась, ее постоянно помешивают деревянным скребком. Затем пшеницу толкут в ступе, чтобы отделилась кожура. В то время, когда арса (см. вышеописанный рецепт) варится, в нее подсыпают немного зерна и следят, чтобы оно не разварилось до кашеобразного состояния, чтобы зерно сохранило свою форму.

Есть еще один способ предварительной подготовки зерна. Зерно после промывки и очистки варят в мясном бульоне и засыпают в кипящую арсу.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

В холодную воду засыпают измельченный зеленый чай из брикета и кипятят, помешивая, для удаления горького привкуса. Вливают молоко и снова кипятят, непрерывно помешивая, в продолжение 5–7 минут. Некоторые любители зеленого чая пьют его слегка подсоленным.

К чаю подают топленое масло и бурятские шаньги.

На 3 литра воды — 200 граммов зеленого чая, 1,5–2 литра молока.